

ЕЛЕНА ПАЛЕНОВА

ЛЕГЕНДА

О ЗОЛОТЫХ ДРАКОНАХ

Придуманные миры

Елена Паленова

**Легенда о золотых
драконах. Часть 2**

«Автор»

2023

Паленова Е.

Легенда о золотых драконах. Часть 2 / Е. Паленова — «Автор»,
2023 — (Придуманные миры)

Вея хочет вернуться на свою родину в Акильфадию, но для этого ей и Маркусу необходимо решить множество проблем, главная из которых - король Сеаркаты Эгдан Справедливый и поощряемые им охотники за редкостями. Для того, чтобы избавиться от помехи в виде акильфийской целительницы и влюблённого в неё Колехорта, король продаёт Вею кьорвигам. Иллюстрация для обложки создана с помощью нейросети Midjourney. Дизайнер - Jsa-Art Jsa-Art.

© Паленова Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Желания и намерения	5
Глава 2. Душа богини	11
Глава 3. Любой ценой	17
Глава 4. Жажда мести	26
Глава 5. Дела богов	31
Глава 6. Во имя любви	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Паленова

Легенда о золотых драконах. Часть 2

Глава 1. Желания и намерения

Вея снова хмурилась во сне. Весь день она, как и всегда, провела в святилище, постигая азы новой для неё магии и обогащаясь древними знаниями. Вечер тоже ничем не отличался от предыдущих – ужин на свежем воздухе, беззаботная болтовня на разные темы и прогулка по огороженным магической стеной лужайкам. И ночь была самой обычной – тёмной, звёздной и страстной. Блаженство. Усталая, но довольная улыбка. Признание в любви. После этого девушка устраивалась поудобнее у Маркуса на груди и засыпала, а спустя некоторое время её чистый лоб пересекала хмурая вертикальная морщинка, и из-под плотно сомкнутых век начинали медленно катиться слёзы.

«Это не я. Не мои слёзы. Мне больно и грустно, что всё так сложилось, но я уже давно никого не оплакиваю. Это плачет душа Краонгры, потому что она слишком долго находится вдали от дома. Я должна вернуться в Акильфадю», – объясняла Вея Маркусу, когда он однажды сказал ей о том, что она плачет по ночам. Увы, о возвращении им пока что приходилось только мечтать.

С тех пор, как Вея очнулась после долгого беспамьяства, прошло уже три месяца. Лето закончилось, но тёплый ветер с востока пока ещё продолжал заглушать шелестом зелёной листвы лёгкую поступь приближающейся осени. Все приметы и предсказания однозначно свидетельствовали о том, что зима в этом году припозднится и будет тёплой. Фермеров и владельцев меллеорских садов это радовало. Вею – нет. Сеар – не такой уж и большой остров, чтобы климат в противоположных его частях сильно различался. Если лето выдаётся жарким, оно такое везде – и на востоке в Меллеории, и на западе за пределами Лунных гор. Зимы тоже одинаково холодные что на горном севере, что на южных побережьях. Разница в погоде при постоянном направлении ветра не длится дольше одного дня, а если начинается шторм, то то он одинаково бушует у всех берегов. И деревья в лесах у подножия горы Меллео остаются зелёными столько же, сколько хранят свою зелень дубовые рощи Предгорья.

Возле Лунных гор зелени нет уже давно – всю её выжгли драконы. Зато там есть искатели артефактов и охотники за редкостями, причём в большом количестве. Осенняя непогода и обещание холодов сократили бы их численность как минимум вдвое, поскольку многие предпочли бы убраться в свои тёплые южные края до наступления зимы, но, увы, боги распорядились иначе. Но даже если бы начались сильные морозы, Вее всё равно было слишком опасно покидать пределы магической ограды, потому что охотников и искателей хватало не только в Сеаркате, но и в Меллеории. Ведьмы пообещали ей защиту ценой собственной жизни, если понадобится, но она ни за что не пошла бы на такой риск. Душа золотого дракона требовала возвращения в Акильфадю, но безопасного пути туда пока не было.

Да и учиться Вее предстояло ещё долго, хотя она схватывала новые знания буквально на лету, чем несказанно радовала своих наставниц. Девушка довольно быстро освоилась со своим новым статусом и уже через два дня после того, как очнулась, заявила, что не желает жить в некрополе по соседству с трупами древних ведьм. Лейза аккуратно настаивала на том, что госпоже пока лучше оставаться в святилище, но кто возьмётся спорить с упрямой полубогиней? Всего за один день у входа в пещеру был установлен роскошный шатёр, состоящий из двух помещений – в переднем устроили что-то вроде гостиной, а в заднем поставили большую кровать, поскольку спать на подушках Душе золотого дракона было непривычно и неудобно. В тот

же вечер вскоре после ужина Вея в приказном порядке потребовала привести к ней Маркуса Колехорта. Разговор у них тогда получился коротким.

«Я – полубогиня, и ты обязан выполнять все мои приказы и желания!»

«Да неужели? И чего прямо сейчас желает моя госпожа?»

После этого они до самого утра практически не разговаривали, а если и произносили что-то, то это были исключительно слова любви и нежности. Ведьмы, естественно, обо всём знали, потому что охраняли «величайшую ценность всех островных королевств» не хуже самых преданных сторожевых псов. Утром, когда Вея наконец-то крепко заснула, Маркус был бесцеремонно выдворен из её шатра обратно в мастерскую, где он жил все эти месяцы вместе с Хьюдриком и Микенором, а позже в покоях полубогини Лейза долго объясняла госпоже, как меллеорская ведьма обязана относиться к мужчинам. Закончилось это угрозой со стороны Веи поменять традиции ведьмовского клана, если окружающие не перестанут диктовать, как ей жить.

Маркус не жил в шатре. Он уходил утром, когда любимая отправлялась на занятия в святилище, и приходил только после её возвращения. Ведьмам не нравилось, что их «ценность» так много времени проводит в его обществе, но он нужен был Вее. «Маркус, ты и твоя любовь – это единственное, что у меня осталось своего. Никому не позволю отнять и это тоже», – шептала она, кутаясь после долгого дня в тепло его объятий. Она нуждалась в нём, а он не представлял себе жизни без неё. Каждый вечер, каждая ночь принадлежала только им двоим, но только до тех пор, пока из-под сомкнутых век спящей девушки не начинали течь слёзы драконьей тоски по далёкому дому.

Вея знала, что ей некуда возвращаться. Замок рухнул в море, плато выжжено драконами, южные пещеры пусты – Олаф был там, всё видел собственными глазами, и Маркус не стал скрывать от любимой эту горькую правду. Ничего не осталось. Совсем ничего. «Там ничего нет для акильфийской целительницы, а для золотого дракона скалы Акильфадии всегда будут оставаться домом», – сказала тогда Вея в ответ. А ночью опять безмолвно плакала. Как теперь.

Маркус протянул руку и нежно провёл пальцами по бархатной коже щеки любимой, не позволив первой слезинке скатиться на подушку.

– Если бы я мог хоть чем-то тебе помочь... – прошептал он и тяжело вздохнул, потому что от него и в самом деле мало что зависело.

Да, Акильфадия принадлежала ему – иди и бери. Но как? Он не мог требовать у Эгдана изгнать с земель Сеаркаты алчных гостей, которые убьют лорда полуострова раньше, чем он доберётся до своих владений. Да ему и не нужен был этот кусок камня, только ради Веи Маркус за него и держался. По суше для неё из-за искателей и охотников безопасного пути нет, сколько бы ведьм и воинов она ни взяла с собой для защиты. Скрывающая или меняющая внешность магия не помогут – любой колдун за версту распознает эти чары. Морем на корабле ещё опаснее, потому что там полно кьорвигов, которые перестали нападать на Сеар, но продолжают набеги на другие острова. По воздуху с одного конца острова на другой тоже не перебраться, поскольку покорных чёрных драконов в меллеорских прибрежных гарнизонах не осталось, а речные никогда и близко к себе людей не подпускали. Маркус предлагал Вее единственный возможный вариант – попросить Олафа, чтобы он привёл одного дракона с Лунных гор к святилищу. В стае наверняка были крупные чудовища, способные нести на себе трёх человек, но Вея отказалась – она не хотела подвергать мальчика опасности, и ей нужно было закончить обучение.

– Ты почему не спишь? – выдернул Маркуса из плена невесёлых мыслей её тихий шёпот.

– Смотрю на тебя, – нежно улыбнулся он в ответ и убрал с её лица непослушный медно-рыжий локон.

– И что видишь?

– Потрясающе красивую девушку, которая когда-нибудь станет моей законной женой перед богами и людьми по традициям акильфов. В Акильфадии. Наши руки соединит провидица, как это принято у твоего народа. Мы построим на утёсе над Грязным морем свой собственный дом и создадим новый клан. Позовём колдунов, чтобы они своей магией снова вдохнули жизнь в холмы и пустоши. Будем растить детей.

Зрачки в золотисто-зелёных глазах девушки сузились до узких вертикальных щёлочек, как обычно случалось тогда, когда она расстраивалась или сердилась. По щеке снова покати-лась слезинка, но эта точно принадлежала Вее, а не золотому дракону.

– Обещаешь?

– Клянусь.

Маркус притянул любимую ближе, устроил её голову поудобнее на своём плече и зарылся лицом в спутанные волосы, глубоко вдыхая исходящий от них аромат лаванды.

– Спи, – шепнул он нежно, чувствуя, как тонкие пальчики начали игривое путешествие вверх по его бедру.

– Не хочу, – вздохнула Вея в ответ, перевернулась на живот и виновато поморщилась. – Слушай, ты только не злись, что не сказала тебе раньше, но я согласилась дать личную аудиенцию королям Меллеории и Сеаркаты.

– Здесь? – уточнил Маркус.

– Ну не прямо в этой постели... – попыталась она пошутить и снова сникла. – Но это ещё не всё. Я окажу подобную честь ещё и пяти вождям кьорвигов.

Если до этого Маркус был абсолютно расслаблен, то после этих её слов каждая жилка в его теле натянулась, как тетива боевого лука.

– Ты отдаёшь себе отчёт в том, насколько это опасно? – гневно сверкнул он глазами.

– Я же просила не злиться, – снова поморщилась Вея. – И это не опасно. Они обычные мужчины, Маркус. Привезут подарки, наговорят красивых слов...

– И зачем тебе их красивые слова?

– Мне не нужны их слова. Я буду требовать, чтобы короли прогнали с острова всех иска-телей и охотников за редкостями, а кьорвиги могут оберегать Сеар с моря. Золотой дракон – бог, я – полубог, а на нас охотятся, как на бездушные диковинки. Это неправильно, Маркус.

– Неправильно, – согласился Колехорт. – Но это продолжается с прошлой зимы, бог-дракон до сих пор ни разу не разгневался и никого не покарал, поэтому всех всё устраивает, и ты своими требованиями ничего не изменишь.

– Почему?

– Потому что в таких переговорах обычно используют либо встречное предложение, либо угрозы. Короли не откажутся от выгоды просто так, а кьорвиги неплохо наживаются на пере-хвате судов, которые везут сюда тех же самых искателей. Что ты можешь им предложить?

– Ничего.

– Ничего, – кивнул Маркус. – И угрожать ты им тоже не можешь.

– Могу, – возразила девушка. – Я могу превратить всё золото в их кладовых в бесполез-ные камни.

– Отлично! А жалованье воинам откуда выплачивается? Сиротские приюты за счёт чего содержатся?

Он был зол. Очень сильно зол. А ещё ему в этот момент вдруг стало почти так же страшно, как тогда, когда Вея умирала в его руках у погребальных костров во дворе акильфийского замка.

– Я уже согласилась, – расстроилась она. – Маркус, не злись. Если ты считаешь, что в этом нет смысла, то я не буду ничего требовать. Просто выслушаю их и приму подарки.

– И они будут ждать ответной щедрости от тебя, – Маркус вздохнул и снова притянул её к себе, потому что испытывал острую потребность чувствовать тепло тела любимой рядом

с собой. – Вея, не делай этого. Откажись. Пусть ведьмы отправят птиц с сообщениями о том, что ты заболела или...

Она втянула голову в плечи и еле слышно произнесла:

– Приём состоится утром.

* * *

Нужно было сказать ему об этом раньше, а не держать в неведении несколько дней – так буря в душе Маркуса успела бы улечься, и пришло понимание, что Вея не может поступить иначе. Да, у неё не было опыта общения с королями. На примере отца она имела представление о том, как нужно или не нужно управлять людьми и владениями, но что такое один клан по сравнению с целым королевством? Маркус не позволил бы ей рисковать.

По мнению ведьм, король Наэн Третий заслуживал доверия – он выполнял свои обещания, если это не шло вразрез с интересами Меллеории, и ничего не обещал, если заведомо было известно, что просьба невыполнима. Наэн довольно-таки молод для короля – ему всего сорок четыре года. Мудрый, честный, но слишком сильно печётся о своих немногочисленных подданных. Меллеория – низинная часть острова Сеар. Здесь много рек, озёр и болот, но мало плодородной земли, которую можно возделывать. Небольшой доход королевству приносят сады, где выращиваются всевозможные фрукты, а до недавнего времени казна пополнялась преимущественно за счёт добычи магического хрустала. Единственный город Меллеории – это его столица Набгарат, где живёт треть всего населения речного края, а все остальные меллеорцы обитают в маленьких селениях и хуторах, разбросанных по островкам суши – крестьяне, воинов здесь очень мало. Если бы не речные драконы, которые гнездятся в дельтах рек у самого моря, кьорвиги уже давно пробились бы на Сеар с восточного берега острова. На защиту северо-восточного залива, где расположен единственный действующий порт, королям Меллеории всегда приходилось тратить большую часть доходов королевства – покупать чёрных драконов, нанимать воинов для гарнизонов. Теперь, когда кьорвиги утомнились, в этом не было нужды, но и добыча меллеорского хрустала тоже прекратилась. Последние несколько месяцев королевство существовало только за счёт паломников, стекающих сюда со всех уголков мира в надежде увидеть Душу золотого дракона. Вея на правах полубогини хотела требовать, чтобы Наэн прогнал этих людей со своих земель, и Маркус прав – она ничего не могла дать Меллеории взамен.

С Сеаркатой дела обстояли ещё хуже. Эгдан Справедливый уже не раз демонстрировал вероломство, хотя и пытался соответствовать своему имени, чтобы не уронить честь перед правителями других островных королевств. Он стар, алчен и склонен принимать недальновидные решения. Надеяться на то, что он очистит Сеаркату от искателей артефактов и охотников за редкостями, было глупо. На этого человека можно было повлиять только угрозами, поэтому Вея и согласилась на встречу с вождями кьорвигов, и именно им была оказана честь первыми лицезреть Душу золотого дракона.

Маркус не услышал этого только потому, что Вея знала – он точно будет против. Ей не нужно было превращать золото в камень или сулить королям другие напасти, чтобы добиться желаемого. Чёрные драконы больше не подчиняются людям, Сеар беззащитен, и кьорвиги могут взять его голыми руками, если захотят. Но они боятся. Опасаются причинить вред тем, кого испокон времён считали богами. Возможно, к чёрным и речным драконам их отношение и изменилось, но Краонгра – это легенда. Она единственная. И она – истинная воплощённая богиня. Если Вея хотя бы намекнёт вождям на то, что золотому дракону или ей самой угрожает реальная опасность, остров Сеар за пару дней будет очищен кьорвигами не только от нежеланных гостей, но и от королей вместе с их королевствами. Никакая магия для этого не нужна – всего одно слово.

Она не собиралась так поступать. Хотела только встретиться с вождями, выразить им свою благосклонность, убедиться в том, что они её боготворят, а потом уже объяснить Эгдану Справедливому и Наэну Третьему последствия их отказа избавиться от тех, кто может навредить Краонгре или её Душе. Маркусу не нужно было знать это. Он – воин, всю свою жизнь сражавшийся с теми, кому Вея намеревалась довериться. Он – единственное, что у неё есть. В нём вся её жизнь, её любовь, её счастье и та часть души, которая принадлежит не дракону, а ей самой. И его чувства взаимны. Он не допустил бы, чтобы любимая подвергала себя опасности. Он отказался от всего и томился вместе с ней в магической клетке, потому что был не в силах что-либо изменить. Но ведь у неё такая возможность имелась. Да, она пока ещё не готова оставить святилище, потому что три месяца на постижение сложной меллеорской магии – это мало. Ей нужно учиться дальше. Расчёт был на то, что за время этой учёбы короли Эгдан и Наэн осознают, что им выгоднее потерять доход от паломников и искателей, чем лишиться своих корон и, возможно, жизнью. Акильфийская целительница Вея Ког была доброй и ранимой девушкой, но Душа золотого дракона не обязана быть такой же, особенно если речь идёт о её собственной безопасности.

«Он мне этого не простит», – с грустью подумала Вея и сделала то, чего тоже делать не собиралась.

Сонные чары невидимы, беззвучны и не имеют запаха. Маркус ничего не почувствовал. Он просто расслабился и погрузился в глубокий сон, продолжая обдумывать намерения любимой и способы избежать катастрофы. Даже не заметил, что уснул. Для него ничего не изменилось. Вея всё так же лежала рядом, уткнувшись носом в его плечо. От её волос всё так же пахло лавандой. Высоко над головой колыхался от ветра полог шатра, а где-то неподалёку в ветвях старых деревьев ранние птицы звонкими песнями встречали рассвет. Время для Маркуса Колехорта остановилось, но Душе золотого дракона уже пора было вставать с постели и готовиться к приёму гостей. На несколько долгих мгновений Вея прижалась губами к щеке любимого мужчины, а потом наконец-то заставила себя выбраться из уютного кольца его рук, чтобы привести себя в порядок, позавтракать и с гордо поднятой головой встретить новый и очень важный день.

– Лейза, войди, – тихо позвала она наставницу, присутствие которой ощущалось где-то совсем близко.

Тяжёлый занавес, отделявший спальню от передней части шатра, колыхнулся, и перед девушкой выросла изящная фигура ведьмы, которая была старше своей подопечной лет на десять, но выглядела гораздо моложе.

– Ты ему не сказала, – в голосе Лейзы слышался упрёк.

– Во-первых, подслушивать нехорошо, – улыбнулась ей Вея. – А во-вторых, если бы я сказала ему ещё и это, то он бы точно связал меня по рукам и ногам и запер где-нибудь до конца моих дней. Позже скажу. Эта новость ближайšie месяцев семь точно никуда не убежит.

– Я слышала, как он говорил о вашем будущем, – нахмурилась ведьма. – Ты не хочешь принимать традиции нашего клана, но они не случайно именно такие. Любовь и невыполненные обещания причиняют много боли, девочка, поэтому мы и не позволяем себе любить.

– Ну тогда начни с себя и Микенора, а потом, если получится, повторишь это ещё раз, – усмехнулась Вея, поскольку сразу заметила, что губы наставницы припухли от поцелуев.

Лейза смутилась и опустила глаза. Она скрывала свои чувства от всех, и Мик тоже помалкивал об их тайных свиданиях, потому что это грозило ведьме серьёзными неприятностями, но от влюблённой женщины скрыть любовь сложно. Вея видела, как эти двое украдкой бросают друг на друга многозначительные взгляды, и понимала, что у их отношений нет будущего. Она не хотела огорчать наставницу насмешками, поэтому виновато сморщила носик и попросила:

– Прости. Жестокая получилась шутка.

– Но справедливая, – вздохнула Лейза. – Забудь. Я пришла сказать, что Микен и Хьюдрик проспят до вечера и не будут вмешиваться в твои переговоры. Кьорвиги уже здесь – встали лагерем на лугу у реки и ждут приглашения. Король Сеаркаты прибыл в Набгарат поздно вечером, и у них с Наэном на утро запланированы какие-то дела, поэтому тебя они почтят своим присутствием только после обеда.

– От Набгарата до горы Меллео три дня пути, если ехать в карете, а не идти пешком, – нахмурилась Вея. – Как они доберутся сюда за несколько часов?

– За несколько мгновений, – уточнила ведьма. – Эгдан где-то разжился колдуном невероятной силы, но скрывает от посторонних глаз это своё приобретение, поэтому большего я сказать пока не могу. Не знаю, что это за магия, правда. У нас пока не было возможности её видеть. Но ты не переживай, сюда мы этого колдуна не пустим.

– Ладно, тогда давай завтракать и готовиться к приёму кьорвигов, – пожала плечами девушка и накинула на плечи тонкий пеньюар, радуясь, что осень в этом году выдалась тёплой, и пока ещё можно позволить себе не тратить уйму времени на утомительное переодевание.

Глава 2. Душа богини

Меллеорская магия – не магия в полном смысле этого слова. Она – ключ, открывающий доступ к любому магическому источнику, до которого можно дотянуться в текущий момент. Нужна сила природы – бери. Хочешь использовать тёмные заклинания – пожалуйста, если есть, откуда черпать необходимую для них энергию. Потому эта магия и не имеет определённого цвета, а переливается всеми возможными. И по свойствам она очень сильно напоминает драконью – своевольная, сложная и неподатливая.

Изучая записи меллеорских ведьм и познавая глубины своих собственных возможностей, Вея переосмыслила многое из того, что знала до того, как стала Душой Краонгры. Например, она поняла, почему Меллео повела женщин своего клана на верную смерть, а не воспользовалась чуждой природе магией, за применение которой против людей не было бы возмездия. Меллеорская магия всего лишь даёт связь со стихиями или другими силами. Она не способна породить огонь или вызвать ливень, но позволяет призвать нужную стихию. Не просить, как это делала Вея в Лунных горах, когда спасала Маркуса, а требовать и приказывать. Природа безропотно подчиняется воле того, кто обладает наследием золотого дракона, а потом наказывает за нарушение законов так, как она наказала Меллео.

Имя этой ведьмы получила и неведомая сила, и гора, и целое королевство, но Меллео просто заставила свой клан совершить подвиг, который вошёл в историю островных королевств и стал легендой. Особая магия передавалась в её роду из поколения в поколение от матери к дочерям и раньше – с тех самых пор, как на островах появилась первая Душа золотого дракона. Краонгра поделилась частичкой своей божественной силы с женщиной, та передала эту силу дочери, и так продолжалось два с половиной последних тысячелетия.

Меллеорские ведьмы очень тщательно оберегают секрет своего могущества, потому что на самом деле они не такие могущественные, какими хотят казаться. Их сила – в знаниях. Нет возобновляемого внутреннего магического ресурса – всё черпается извне и накапливается, либо используется посредством внешних связей через особые заклинания. Потому драконьи проводники для меллеорских ведьм и не опасны – их присутствие может уничтожить то, что накоплено, но где-нибудь поблизости всегда найдётся источник, который позволит быстро восполнить утраченное. По этой же причине ни у кого из акильфийских колдунов магии не было, а у Фадии она имела в большом количестве – недра полуострова ведь не пострадали от налёта проводников.

В клане всему этому девочек учат едва ли не с грудного возраста. Мальчики дар Краонгры не наследуют, поэтому никакой ценности из себя не представляют. Всецело посвятить себя знаниям и клану, не влюбляться, не выходить замуж, мужчин использовать только для продолжения рода или в качестве прислуги – такие порядки много столетий позволяли меллеорским ведьмам хранить секрет своей магической силы. Возможно, это было оправданно, поэтому Вея поклялась, что тоже будет все свои знания держать в строжайшей тайне. Маркусу она рассказывала только о своих успехах или неудачах, но о природе магии, которая досталась ей не по наследству, а каким-то другим путём, никогда не говорила ни слова.

Она не столько училась подчинять себе стихии, сколько искала ответы – в манускриптах, книгах, на древних пергаментях и изрезанных незнакомыми символами кусочках дерева и клочках кожи. Где-то глубоко в душе сидела уверенность, что золотой дракон не просто так откликнулся на её зов, спас жизнь и дал ключ ко всем магическим источникам. Ему что-то было нужно взамен. Сейчас, например, ему очень хотелось, чтобы то, что люди называли его Душой, вернулось в Акильфадию, хотя о конце обучения еще даже заикаться не имело смысла. Вея не хотела туда возвращаться – там осталось слишком много боли и печали. Она предпочла бы жить с Маркусом на каком-нибудь крошечном островке вроде Кенерии, где родился Олаф.

Маленькая ферма, уютный домик, полная счастья семья – таким она видела своё будущее. А золотому дракону нужно было, чтобы его Душа вновь оказалась за границей Лунных гор. Этому должно было быть объяснение, но поиски не давали никаких результатов.

Расшифровать магические символы с подвески-лепестка ей тоже не удалось, поскольку ни в одном из изученных документов, ни в одном из древних и новых языков народов, населявших острова, таких знаков не было. Оставалась слабая надежда на то, что ответы найдутся сами собой в Акильфадии, но туда ещё как-то нужно было попасть, причём живой и невредимой, потому Вея и согласилась на встречу с теми, кто мог помочь ей достичь желаемого.

* * *

Шестнадцать взрослых ведьм в возрасте от тридцати до пятидесяти лет встали за спиной своего божества внутри шатра – все в длинных тёмно-фиолетовых плащах с широкими капюшонами, полностью скрывавшими лица. Матери и дочери. Каждую из этих женщин Вея знала в лицо и по имени, потому что они были её наставницами, но кьорвиги чести лицемерить зеленоглазых красавиц не удостоились, поскольку набеги на родину клана в Аукеросте всё ещё продолжались – скрывая лица, ведьмы просто демонстрировали, что им неприятно общество варваров. Они собрались в шатре только для того, чтобы показать свою преданность Душе золотого дракона и защитить Вею в случае необходимости.

Жили ведьмы в шатрах за пределами магической ограды, но теперь их жилища были убраны, а на месте прежнего палаточного лагеря разместился большой отряд воинов Аукероста, каждый из которых был готов ценой своей жизни защищать женщин клана Меллео. Такую преданность, учитывая обычаи меллеорских ведьм, невозможно купить или заслужить – её можно только наколдовать. Все воины были зачарованы ещё до прибытия в Меллеорию, включая тех, кто теперь выстроился в два ровных ряда внутри защищённого магической стеной пространства, образуя для гостей коридор до шатра Веи. Все крупные, как на подбор, и на вид свирепые – от такой охраны и короли вряд ли отказались бы.

Для Веи под пологом шатра ближе к выходу была установлена широкая тахта с позолоченной спинкой, заваленная золотом же расшитыми подушками. Встречать кьорвигов Душе золотого дракона полагалось полулёжа, демонстрируя им таким образом своё величие и превосходство. Для встречи с королями предполагались иные, более скромные декорации, но Вея в корне не нравилось представление, которое ведьмы пытались навязать ей сейчас и потом. пышное полупрозрачное одеяние из фиолетового газа, отделанное в талии и по краю рукавов золотой тесьмой, её тоже не устроило категорически, поэтому пришлось долго спорить с наставницами, отвоёвывая право надеть более скромный наряд. Платье, которое она выбрала, тоже соответствовало цветам клана, но хотя бы не выставляло на всеобщее обозрение грудь и другие части тела, которые Вея готова была обнажать только перед Маркусом. И кьорвигов она встречала сидя, а не лёжа, за что тоже пришлось побороться.

Имена вождей Лейза называла ей и раньше, а теперь, стоя за тахтой, просто негромко объясняла взволнованной девушке, кто есть кто из приближающихся к шатру мужчин, но эту сложную мешанину звуков Вея и с десятого раза не смогла бы запомнить. Язык кьорвигов – это кошмар, и их имена исключением из правил не являются. Самое короткое состояло из пяти слов, произнося которые можно язык сломать, а к концу самого длинного забываешь то, что было в самом начале.

– Их должно быть пять, – прервала девушка поток странных звуковых сочетаний, люющийся из уст наставницы. – Я вижу семерых.

– У одного из вождей нет глаз, поэтому его всегда сопровождает младший сын, – последовало пояснение.

– Совсем нет?

– Совсем. Ему их выколол...

- Ой, избавь меня от подробностей, пожалуйста! – поморщилась Вея. – А ещё один?
- Это твой подарок. Рабыня.
- Рабыня?

Вея внимательно взгляделась в тощую фигуру «подарка», но не заметила ничего, хотя бы отдалённо напоминающего женские округлости. Плоская грудь, узкие бёдра, костлявые плечи – тощий подросток. К тому же, на рабыне болталась великоватая ей мужская одежда, а светлые волосы были коротко острижены и торчали в разные стороны неровными клочьями.

– Что-то она не очень похожа на женщину, – заметила Вея и потеряла к подарку всякий интерес, потому что уже решила, как поступит с бедняжкой, с которой кьорвиги наверняка обращались очень дурно.

Её внимание привлёк сын слепого вождя – высокий темноглазый парень с пепельными волосами и мускулистым телом, сплошь покрытым татуировками. Сами вожди были одеты более-менее подобающе и хотя бы прикрыли свои широкие торсы рубахами, но этот, видимо, не счёл необходимым изменять своим привычкам даже в присутствии полубогини. И смотрел он на Вею не с подбострастием, как его сородичи, а с интересом – так смотрят на диковинного зверька в попытках определить, сколько времени может занять приручение.

Если до этого девушка испытывала нечто среднее между волнением и страхом, то взгляд наглеца пробудил в ней гнев. Предполагалось, что гости подойдут к ней на расстояние пяти шагов, но рука взмыла вверх в предупреждающем жесте раньше, и кьорвиги замерли намного дальше того места, где им полагалось остановиться.

– Что-то не так? – насторожилась Лейза.

– Мне не нравится, как этот молодой дикарь на меня смотрит, – раздражённо проворчала Вея, но в ответ получила короткий смешок.

– Он видит в тебе просто красивую женщину, а не божество. Просто покажи ему, что он ошибается.

Вожди потоптались немного в ожидании, что им разрешат подойти ближе, но в итоге преклонили колени перед Душой золотого дракона там, где было велено остановиться. Молодой кьорвиг тоже склонился, но глаза, в отличие от остальных, не опустил и взгляд не отвёл. А девчонку-рабыню они просто швырнули на землю сильным тычком в спину. «Боги, дайте мне сил пережить этот день!» – мысленно вознесла Вея молитву, сглотнула подступивший к горлу ком и с поистине королевским высокомерием произнесла:

– Встаньте!

Она дала согласие принять этих людей десять дней назад и готовила пафосные речи, но теперь все слова просто вылетели из её головы, а на их место пришла трусливая мысль: «Пусть они говорят, а я лучше помолчу». Вожди, вероятно, ждали какого-то приветствия, но снова не дождались.

– Мы плыть Мёртвые острова дать наш верность и жизнь Душа дракона, – заговорил один из мужчин, отбросив с лица длинные седые волосы, на лбу под которыми был вырезан традиционный для кьорвигов символ Странника – три соединяющихся полумесяца, заключённые в ромб.

«А у этого такого знака нет», – бросила Вея короткий взгляд на молодого воина и встретила с ним глазами. Он улыбался – едва заметно, но так самодовольно, что ей снова стало не по себе.

– Не знала, что вы говорите на общем языке, – заставила себя девушка вернуться к диалогу с более приятным собеседником, который хотя бы не пытался раздеть её взглядом.

– Все говорить общий язык, но он трудно, – развёл руками кьорвиг с таким несчастным видом, что Вея не удержалась от улыбки.

– Тогда говорите на своём, я всё пойму, – предложила она и снова покосилась на объект своих тревог, заметив, что после этих её слов в глазах молодого человека мелькнуло что-то вроде уважения.

Ей не нужно было учить невероятно сложный язык кьорвигов, чтобы понимать его. Слова – это всего лишь звук. Звуки принадлежат ветру, а ветер знает языки всех народов мира, и нужно просто приказать ему доносить смысл слов так, чтобы слушатель понимал рассказчика. Это простая магия, Вея её за один день освоила. С письменностью, конечно же, дела обстояли куда сложнее, но немедленных результатов никто ведь не требовал. Сейчас было вполне достаточно и того, чему она успела научиться – кьорвиг выражал свои мысли не совсем привычными фразами, но девушка прекрасно понимала, что именно он хочет сказать.

Кьорвиги приплыли в Меллеорию для того, чтобы принести клятву верности Душе золотого дракона – это Вея ещё с первой исковерканной фразы поняла. Выразить покорность приплыли пять вождей – по количеству самых крупных из тридцати двух Мёртвых островов, которые сейчас находятся во владениях «вольного народа». Любой из этих островов может стать домом Душе дракона, если она того пожелает. Её будут уважать, почитать и любить.

– Если я попрошу прекратить набеги на другие острова, вы это сделаете? – прямо спросила Вея на общем языке.

Вожди переглянулись, говоривший ненадолго замолчал, а потом произнёс уже не так пламенно, как начал свою речь:

– Это убьёт вольный народ. Мы никогда не жили по-другому. Но если таково будет желание богини, мы ему подчинимся.

– А если я захочу стать вашей королевой?

Кьорвиги без раздумий снова рухнули на колени, а молодой наглец лишь слегка опустил голову, демонстрируя покорность.

– Встаньте, – вздохнула Вея. – Это был просто вопрос, но я подумаю, какую пользу можно извлечь из вашей верности. Вы чтите свои традиции и имеете право выбирать тот образ жизни, который считаете для себя возможным. Вы – сильные и храбрые воины. Но вас все ненавидят, и есть за что. Сейчас я не готова что-то от вас требовать, потому что речь идёт о целом народе, но я бы с радостью послушала о своём родном крае. Мёртвые острова ведь находятся не слишком далеко от западного берега Сеара, и вы наверняка плыли сюда мимо Акильфадии. Расскажите мне о ней. Ты Расскажи.

Она указала на парня и почувствовала, как плеча предупреждающе коснулась рука Лейзы.

– Осторожнее, – шепнула ведьма и снова притихла.

Вея ожидала, что молодой кьорвиг хотя бы растеряется от неожиданного внимания к его персоне, но ответом ей была лёгкая самодовольная ухмылка, после чего воин заговорил на своём родном языке таким бархатным голосом, что режущее слух нагромождение звуков показалось девушке не таким уж ужасным и даже приятным.

– Акильфадия теперь другая, – рассказывал он. – Весна не пришла туда. Каменного дома вождей больше нет, потому что Краонгра разгневалась на людей и обрушила его в море. Скала тоже упала и обнажила пещеры. Много пещер. Там сейчас живут отвергнутые боги.

– Отвергнутые кем? Вольным народом? – вопросительно приподняла Вея бровь, понимая что речь идёт о чёрных драконах.

– Боги не покоряются людям. Они повелевают, – заявил кьорвиг, гордо подняв подбородок. – Вольный народ больше не чтит чёрных богов, потому что они служили людям.

– Но вольный народ чтит память о Страннике Акиле, который заставил чёрных богов покориться человеку, – возразила девушка. – Вы вырезаете на своём лице символ его дара, потому что уважаете стремление этого человека сохранить остров Сеар для своего народа.

– Душа богини знает о Страннике? – искренне удивился слепой вождь, приходившийся высокомерному воину отцом.

– А почему тебя это удивляет? – надменно поинтересовалась Вея. – Сеар принадлежал вольному народу и тысячу лет назад, и две тысячи, и тогда, когда Краонгра свободно парила над головами ваших предков. Золотые драконы и вольный народ жили здесь вместе. У вас не было магии, и богиня дала вам её, но через женщину, которой мужчины не захотели дать всё то, что пообещали мне вы. Уважать, почитать, любить – вольный народ всегда готов был относиться так к богам, но не к женщинам. Вы не оценили этот великий дар, отвергли его и по сей день продолжаете пользоваться только той магией, которую можно украсть. А дар богини Краонгры продолжает существовать, потому что первую Душу дракона пользовали, как обычную девку. Она родила дочерей, её дочери тоже произвели на свет девочек... Дарованная вольному народу магия сейчас принадлежит меллеорским ведьмам, а могла бы принадлежать вам. В женщинах, которые стоят за моей спиной, и в вас течёт кровь одних и тех же предков. Если мне известно даже это, то отчего же я не должна знать о Колехорте, подвиг которого изгнавшие вас с этого острова короли предпочли утопить в море лжи?

– Ты неправильно произнесла имя, – осторожно заметил слепой кьорвиг. – Вольный народ называет Странников Кьорхольтами, а не Колехортами. Кьор – это вольный. И ты сказала только о ведьмах, но не о себе.

На плечо Веи снова легла рука Лейзы. Тонкий лёд, да. От ответа на это замечание зависело многое, но девушка знала, как снова обрести твёрдую почву под ногами. Слепой вождь всё равно не мог видеть её лица, поэтому Вея одарила ослепительной улыбкой его сына.

– Я дочь двух матерей, – спокойно произнесла она. – Одна из этих женщин была колдуньей, отвергнутой своим народом и даже любимым мужем из-за магии, которая текла в её крови. Вторая была бесплотным духом – Фадией, о которой вы наверняка слышали, но, вероятнее всего, неправду. Много столетий назад её родила обречённая на медленную смерть меллеорская ведьма, которую вольный народ заставил обернуть силу природы против людей. Моим отцом был акильфийский вождь, но клана акильфов больше нет. Одна часть моей души принадлежит лично мне – человеку, женщине. Другая – золотому дракону, богине. Кто я, повашему? Где моя семья? Кого мне считать своим народом?

Лейза за спиной Веи уважительно хмыкнула, а кьорвиг промолчал. Они все молчали – даже молодой воин, который явно был озадачен тем, что услышал. Довольная результатом своей речи полубогиня тоже не собиралась нарушать многозначительное молчание, но из глубины шатра послышался негромкий храп Маркуса, и чтобы этот совсем не божественный звук не испортил достигнутый эффект, пришлось заговорить снова.

– Кто этот мальчик? – сменила Вея высокомерный тон на миролюбивый и кивнула в сторону сидевшей всё это время на земле рабыни, сделав вид, будто не знает, что это женщина.

– Это подарок, – обрадовался её интересу тот из вождей, который в начале аудиенции заговорил первым. – Девушка с твоей родины. Совсем дикая. Она хотела умереть, но морские боги не приняли эту жертву.

– С моей родины? – заинтересовалась Вея. – Пусть подойдёт.

Кьорвиг поймал девушку за локоть, рывком поставил её на ноги и толкнул в сторону шатра. Впервые Вея пожалела, что заставила гостей остановиться так далеко – утреннее солнце светило рабыне в спину, и поэтому разглядеть черты лица было сложно.

– Подойди! – снова прозвучал приказ, но девчонка не сдвинулась с места, поэтому пришлось обращаться за помощью.

Зачарованные воины Аукероста, ведьмы – помощников было хоть отбавляй, но Вея знаком показала молодому кьорвигу, что разрешает ему привести пленницу и, соответственно, приблизиться самому.

У девушки были красивые золотисто-карие глаза, но взгляд казался совершенно пустым и равнодушным ко всему. Она не пыталась сопротивляться, не выказывала недовольства бесцеремонным обращением, а когда кьорвиг подвёл её ближе к шатру и надавил на плечо, заставив опуститься на колени, рабыня сделала это с такой покорностью, будто ей было всё равно, убьют её или оденут в шелка. Некогда чистая и нежная кожа лица шелушилась от солнечных ожогов, а на растрескавшихся губах, которые раньше часто изгибались в надменной улыбке, теперь запеклась кровь.

– Ты её знаешь, – сощурился кьорвиг, заметив, как Вея побледнела, хорошенько разглядев свой «подарок».

– Знаю, – прозвучало в ответ. – Давно вы её нашли?

– Весной. Мы пытались найти подходы к Акильфадии там, где их раньше не было, а она прыгнула сверху прямо нам на головы. Это хороший подарок? Душа богини Краонгры довольна?

– Это худший подарок из всех, какие только можно себе представить, – сообщила Вея, разглядывая тощую фигуру безразличной ко всему законной жены Маркуса Колехорта. – А ребёнок? Она ждала ребёнка. Он должен был родиться в середине лета.

– Нет ребёнка, – покачал воин головой. – Мы нашли её такой. Если подарок плохой, я могу её убить. Привезём новый.

– А вы нашли в Акильфадии кого-то ещё? – заволновалась девушка, хотя изо всех сил пыталась казаться невозмутимой.

– Нет, но у нас много рабынь.

– Вернись к вождям! – резко приказала Вея, проигнорировав столь щедрое предложение и продолжая смотреть на измученное лицо Таирии Эгри, которую после всего случившегося должна была ненавидеть, но почему-то жалела.

Растерялась. Забыла о том, что нужно держать перед гостями лицо. Нервно поблагодарила их за подарок, за клятвы и за всё остальное, а потом попросила уйти, хотя планировала не просить, а приказывать. Это не осталось незамеченным. Воины Аукероста вывели кьорвигов за пределы магической ограды, а ведьмы сразу же принялись ворчать об ошибках, которые их божество допустило в процессе переговоров. Вея их не слушала – она присела на корточки перед Таирией и встряхнула девушку за плечи.

– Эй, ты меня узнаёшь? Тая!

– Она безумна, ты разве не видишь? – вмешалась Лейза.

– А я когда-то была целительницей, ты забыла? – огрызнулась Вея. – Я знаю, как выглядит безумие. Достаточно насмотрелась на него за свою жизнь. Это пустота, Лейза. Ничто.

– А ну-ка дайте посмотреть, – растолкала своих ворчливых зеленоглазых родственников Гленда, которая обучала Душу дракона азам магии земли. Она приподняла пальцами подбородок Таирии, заглянула девушке в самую душу и подтвердила: – Да, это пустота. Надо дать ей яд, всё равно проку от такой рабыни не будет, а возни много. Её даже кормить надо с рук, она сама есть не сможет.

– Это внучатая племянница короля Эгдана, – сообщила Вея ведьмам. – Пусть её вымоют, хорошенько накормят и уложат спать, а я попробую придумать, как с пользой для себя избавиться от этого «подарка».

Глава 3. Любой ценой

Пустота не бывает случайностью. Человек впускает её в свою душу тогда, когда боль становится невыносимой. Вея видела такое лишь однажды – в детстве. Той весной в одном из южных акильфийских селений случилось большое горе – дети заигрались на лугу и не заметили двух горных львов, которые спустились за лёгкой добычей. Взрослые подросли слишком поздно – хищники уже успели загрызть трёх мальчиков и девочку. Позже мать одного из погибших мальчишек привезли в деревню близ замка, чтобы провидица Иола заглянула несчастной женщине в душу, поскольку целители не смогли увидеть недуг. Та женщина была такой же, какой теперь стала Таирия – тихой и ко всему безразличной, как неживая. Ни воли, ни чувств, ни желаний – ничего не осталось. Она не подчинялась приказам, не реагировала на громкие звуки и боль, а ноги переставляла только тогда, когда кто-нибудь вёл её под руки. Муж бедняжки настаивал, чтобы колдуны или провидицы вернули его жене разум, и обещал убить бесполезную женщину, если она останется такой. Она умерла вскоре после того, как Иола позволила воспоминаниям заполнить пустоту. Бросилась с утёса на скалы, потому что не вынесла горя.

Пустота – это спасение. Она не отнимает память, но не позволяет боли захлестнуть человека с головой. Тот, кто впустил в свою душу пустоту, всё помнит, но ничего не чувствует. Со временем боль либо стихает, и тогда человек сам начинает потихоньку возвращаться к жизни, либо приходит безумие. Нужно время. Сколько? Никто не знает, потому что причины для пустоты у всех разные.

Кьорвиги нашли Таирию весной, а теперь уже закончилось лето. Она жила с опустошённой душой уже полгода и не умерла только потому, что дикари не позволили – им очень хотелось подарить свою находку новоявленной полубогине. Даже клеймо на её костлявом теле не выжгли, как обычно поступали со всеми рабами. Вея не видела, как девушку кормили, но позже Лейза сказала, что это не человек, а живой мертвец, который ничего не видит, не слышит и не понимает. Теперь Таирия спала под действием сонного зелья в маленьком шатре неподалёку от жилища Веи и действительно выглядела мёртвой.

– Не понимаю, зачем она тебе. Она ведь законная жена твоего мужчины, если я правильно помню. Я бы на твоём месте просто избавилась бы от этой проблемы, пока он спит и ни во что не вмешивается, – ворчала Лейза, недовольная тем, что её госпожа сидит у постели бесчувственной девчонки вместо того, чтобы готовиться к приёму королей.

– Не думаю, что она когда-нибудь будет претендовать на Маркуса, – с грустью в голосе отозвалась Вея и осторожно убрала коротко остриженную прядь светлых волос со лба Таирии. – Она любила другого мужчину. Любила так сильно, что совершила множество глупостей ради того, чтобы получить право быть с ним вместе. Но в итоге она потеряла сначала любимого, а потом и его ребёнка.

– Откуда ты...

– Я видела, Лейза, – вздохнула девушка. – Всё видела. Нирима немного приоткрыла разум этой девчонки так, чтобы не нарушить границу пустоты, и объяснила мне, как туда заглянуть.

– И ты увидела там любовь? – скептически уточнила ведьма.

– Любовь, обман, предательство, тоску, злобу, смирение... Знаешь, ей ведь всего восемнадцать лет. Мой старший брат был её первым мужчиной и первой любовью. Да, Таирия не подарок. Да, она уничтожила половину моего клана, а потом с её подачи Джевед перерезал горло нашей матери. Точнее, Фадии, которая заняла тело Аллелии, но я-то видела окровавленное тело мамы. Эта девчонка всегда и всем доставляла одни только неприятности. Отравила Маркуса ядом схашивии, потом вопила на весь замок, что Дэнзет – самозванец, пока Аарек

не начал подумывать о том, чтобы казнить всех чужаков, включая и её тоже. Она такая, какая есть, но Джевед любил её, иначе не пришёл бы за ней в Акильфадью. Всё ради любви.

– Беременность раздувает твою сентиментальность до поистине невероятных размеров, – покачала головой Лейза. – Сейчас ты жалеешь убийцу. Завтра она придёт в себя и воткнёт кинжал в твоё отвратительно доброе сердце. Ты сама-то собираешься взрослеть? Переговоры провалила...

– Кьорвиги разочарованы? – подняла на неё Вея виноватый взгляд.

– Озадачены, я бы сказала, – поморщилась ведьма. – Они ждали божественного величия и чуда, а увидели только капризную, напуганную девчонку, которая много знает, умеет красиво говорить и понимает их язык. Я предупредила, что тебе пока ещё рано соглашаться на эти визиты. Ты сама ещё не до конца понимаешь, какую силу получила, и как её можно использовать. Уже полдень, скоро приедут Эгдан и Наэн, а ты тратишь драгоценное время не на подготовку к этой встрече, а на жалость к полумёртвой сопернице. Мне отменить приём, пока ты снова не напортировала? Или...

– Или, – нахмурилась девушка и встала с подушек, на которых спала Таирия. – Мне нужна эта встреча.

Мнение Лейзы на этот счёт было противоположным, но она перестала спорить с упрямой госпожой ещё несколько дней назад, когда Вея заявила, что если не будет переговоров, то она просто пошлёт клан меллеорских ведьм и их преданность куда подальше. Такой вариант развития событий точно был недопустим.

* * *

Никто не рассказывал Вее о том, что зеленоглазые меллеорские ведьмы и кьорвиги приходят друг другу родней. В библиотеке и архивах клана никогда даже записей об этом не было – девушка сама обо всём догадалась. Всё, что она сказала вождям кьорвигов, было чистой правдой, хотя кое о чём Вея не знала. Первую Душу золотого дракона мужчины не просто использовали для плотских утех, как обычную женщину – они поступили с ней почти так же, как спустя полтора тысячелетия после этого вольный народ обошёл с матерью Фадии. Дочери этой первой «особенной» колдуньи был всего год, когда кьорвиги взяли женщину в набег, заставили её применить природную магию против людей, а потом просто убили, как часто поступали с бесполезными, обречёнными на медленную смерть колдунами, чтобы не тратить на них провизию. После этого золотого дракона больше никто не видел, и годовалая дочка колдуньи тоже исчезла. Девочка выросла в Аукеросте, где люди с почтением относятся к тем, кто имеет магические способности. Рыжеволосая малышка с удивительно яркими зелёными глазами попала в обеспеченную семью, получила достойное воспитание и образование. Самые первые и самые ценные записи, хранящиеся в библиотеке клана, принадлежат именно ей. Это очень хрупкие пергаменты, и только магия не позволяет им рассыпаться в прах, поэтому их не привезли в Меллеорию. Вея не знала об их существовании. Верховная Мать решила, что новая Душа золотого дракона узнает об этом позже – когда снизойдёт до того, чтобы принять обычаи клана.

Теперь Лейза опасалась, что этого вообще никогда не случится, потому что у новой Души золотого дракона оказался строптивый характер. Отправляя в святилище старшую дочь и самых сильных ведьм, Верховная Мать пребывала в уверенности, что из несчастной, побитой судьбой двадцатилетней девчонки можно вылепить то, что нужно клану. Напутственная речь звучала так:

– Дочери Краонгры! Великая богиня спустя много столетий вновь явила себя этому миру, и это знак нам – тем, кто носит в своей душе дар её божественной силы. Век за веком мы с честью хранили это наследие, оберегали его и использовали только во благо. Вы знаете, откуда взялась наша сила. Знаете, кому она предназначалась, и кто её отверг. Магия была дана воль-

ному народу для того, чтобы положить конец дикости и варварству, которыми всегда жили и по сей день живут кьорвиги. Сила, которую мы храним больше двух тысячелетий, могла сделать вольный народ самым великим и почитаемым народом не только на островах, но и в больших землях. Она могла дать им власть, богатство, уважение и все блага, о каких только можно мечтать. Кьорвиги отказались от этого дара, и время их не меняет. Они продолжают жить в злобе и жестокости, крадут женщин и детей, принуждают колдунов нарушать законы природы и вредить тем, с кем могли бы жить в мире и согласии. Великая богиня долго смотрела на эти бесчинства и наконец-то решила положить им конец. Она вложила свою душу в смертное тело юной акильфийской целительницы, чтобы вольный народ оставил в покое остров Сеар – дом золотого дракона. И это знак нам, что пришло время использовать хранимое нами наследие. Мы должны принять неразумное, но божественное дитя в лоно нашей семьи. Должны научить Вею Ког всему, что знаем сами. Должны указать ей верный путь, чтобы эта девушка выполнила предназначение, с которым две с половиной тысячи лет назад не смогла справиться её предшественница. Вольный народ должен стать мирным или прекратить своё существование – такова воля богини. Если Душа золотого дракона не сможет изменить кьорвигов, мы уничтожим всех их ценой своих жизней, как когда-то во имя свободы Сеара это сделала Меллео.

Лейза была склонна полагать, что её мать выжила из ума. И не только Лейза. Все пятнадцать её родственниц, отправившихся в путешествие через Грязное море к святилищу под горой Меллео, считали, что Верховная Мать спятила. Великой богине больше двух тысяч лет не было никакого дела до того, как живут кьорвиги, и насколько сильно от их образа жизни страдают жители островных королевств. Если бы Краонгру волновала судьба людей в общем и вольного народа в частности, ей бы и пары столетий хватило, чтобы понять, что кьорвиги неисправимы. Эти дикари и зеленоглазых ведьм клана охотно похищали из Аукероста, увозили на свои острова, использовали в своих целях и убивали, но богиня почему-то не гневалась на них за это. А теперь вдруг её терпению пришёл конец. Слишком долгое получалось терпение. И ладно бы Верховная Мать только взвалила на Вею чужое предназначение, но она вознамерилась полностью уничтожить свой клан, заставив ведьм пойти против вольного народа. Вопрос был только один – с чего она вообще взяла, что Великая богиня желает именно этого? Тогда ведь ещё даже не было известно, кого именно принёс в святилище золотой дракон – в Аукерост просто прилетела птица-вестник с сообщением о том, что это рыжеволосая акильфийская целительница Вея Ког, и в её глазах плещется меллеорская магия.

Ещё на корабле ведьмы договорились, что Вея не узнает от них о навязанном ей Верховной Матерью предназначении. «Душа Великой богини сама знает, что нужно богине», – сказала тогда Лейза, и все с ней согласились. Обучать – да. Наставлять и советовать – да. Проявлять уважение – обязательно. Принуждать к чему либо – нет. Клан и верность традициям – это замечательно, но не тогда, когда интересы людей ставятся выше воли богов. Если кьорвиги до сих пор живы и здравствуют, значит, так нужно богам. Однажды меллеорские ведьмы уже обернули против вольного народа божественную силу своей магии, но после этого ничего не изменилось, и вряд ли очередным самопожертвованием что-то можно было изменить теперь.

Вея Ког оправдала ожидания Лейзы, которая была не старшей из шестнадцати наставниц девушки, но главной. Душа Краонгры не только знала, чего хочет богиня, но и умела добиваться желаемого. Сейчас ей нужно было расчистить для себя путь домой, в Акильфадию. Золотой дракон всегда жил именно там, о чём свидетельствовали и записи в архивах, и тот факт, что Лунные горы долгое время считались границей драконьих владений. В сказках и легендах имелась доля истины, пусть и мизерная. Золотых драконов не убивали ради драгоценной чешуи, и это был всего один дракон, а не множество, но жил он там, куда указывали все источники.

Лейзе не нравился способ, который Вея выбрала для того, чтобы сделать путь из Меллеории в Акильфадию безопасным, но она не могла не согласиться, что этот план имеет шансы

на успех. Из-за того, что чёрные драконы получили свободу от людей, эти самые люди теперь остались без защиты. Кьорвиги поклялись не нападать на Сеар и на протяжении уже девяти месяцев сдерживали это обещание, но короли Меллеории и Сеаркаты всё равно их боялись. Этим утром, когда вожди вольного народа высадились на берег, их встречало всё меллеорское войско, хотя кьорвиги даже не были вооружены в знак того, что выполняют свои клятвы. Вражда, которая длилась столетиями, теперь могла сослужить Душе золотого дракона добрую службу. Если вольный народ нападёт на Сеар сейчас, короли потеряют всё, а им это точно было невыгодно.

И всё же непредсказуемость поведения Веи заставляла Лейзу волноваться. Ведьма не лукавила – клан меллеорских ведьм пойдёт за своим божеством куда угодно. Дочери Краонгры уважали Верховную мать, но их верность всегда принадлежала Великой богине. Вея – Душа этой богини, поэтому теперь её решения и желания ставились во главу угла. Но ведь она всего лишь девушка. Опечаленная утратой своей семьи, влюблённая, беременная и совершенно неуправляемая. Временами она проявляла поистине божественную мудрость, но чаще её решениями и поступками руководила человеческая суть. Кьорвиги – опасные союзники, с ними нужно быть предельно осторожной, а Вея оскорбила их тем, что не разрешила приблизиться, потом забыла о приветственной речи, а на молодого воина смотрела так, будто бы он был ей интересен. Она показала себя равной им, а должна была буквально излучать недостижимость. Это было плохо, но ожидаемо – опыта-то у девочки нет. Оставалось только надеяться, что встреча с королями пройдёт не так ужасно.

* * *

– ...И не вздумай благодарить Наэна за гостеприимство его королевства, а Эгдана за подарки и всё остальное, – выдала Лейза очередную порцию наставлений, украшая высокую причёску своей подопечной золотым гребнем.

– Почему? – удивилась Вея. – Это ведь просто вежливость.

– Что ты ела на обед?

– Фрукты и утку, а что?

– И ты благодарила утку за то, что она умерла ради твоего насыщения?

– Её для этого на птичьем дворе и вырастили, – нахмурилась девушка.

– Ну вот и к королям, если ты хочешь соответствовать своему статусу, нужно относиться точно так же, – невозмутимо пояснила ведьма. – Они существуют для того, чтобы ты была счастлива. Дарить подарки, проявлять гостеприимство, всячески тебя ублажать... И если тебе что-то не нравится, то этим уткам прямая дорога в жаркое или суп, поняла? До того, как Краонгра принесла тебя сюда, никто из ныне живущих не видел золотого дракона, а о возможности существования Души богини знали только женщины нашего клана. Мы не смогли сохранить эту тайну, но люди ничего о тебе не знают. Как себя преподнесёшь, так к тебе и будут относиться. Покажи им божественное величие, а не растерянную девочку, которая сама себя боится. Не унижай, но и не ставь вровень с собой. Ты – богиня. Они – простые смертные. Если хочешь чего-то от них добиться, то вести себя нужно именно так. С кьорвигами было проще, потому что они в драконах видят богов, а эти тебе руку по локоть откусят, если ты рискнёшь протянуть её им для поцелуя.

– Ясно, – вздохнула Вея. – Они уже ждут, да? Богиня может позволить себе опоздание?

– Богиня может позволить себе вообще не покидать шатёр, – улыбнулась Лейза. – Но богиня умеет летать, а тебе нужен безопасный путь по суше. Откажись, если не уверена в себе, но не забывай, что с оскорблёнными королями договариваться сложнее.

Отказываться Вея не собиралась. Она прекрасно понимала, что нельзя убрать всех искателей и охотников с острова в одночасье. На это требуется время, и чем раньше начнётся выдворение алчных гостей с заповедных земель, тем быстрее можно будет и ей отправиться в путь.

– Как я выгляжу? – покрутилась она перед высоким зеркалом, придирчиво разглядывая своё отражение.

Наряд для этой встречи был выбран не совсем обычный. В платье из золотистого шёлка ведьмы вплели немного магии, и теперь оно мягко переливалось разноцветными искорками при каждом движении. Широкие рукава оставляли руки открытыми по локоть, золотые браслеты на запястьях привлекали внимание крупными аметистами, и такие же камни были вправлены в гребень, венчавший причёску Веи подобно короне. Скромное декольте открывало верхнюю часть груди, где на нежной коже лежало массивное золотое ожерелье с подвесками, выполненными из, опять же, аметистов и пластин горного хрусталя. С тех пор, как девушка очнулась в святилище, её прикосновение заставляло кристаллы вести себя немного странно – они наполнялись золотистым блеском, который менял оттенок в зависимости от того, какую магию в конкретный момент использует колдунья. Теперь, например, подвески сияли переливами живого пламени, поскольку в медно-рыжие волосы Веи было вплетено простенькое заклинание, основанное на магии огня – для красоты.

– Божественно выглядишь, – улыбнулась Лейза. – Если ещё и вести себя будешь соответствующе, то и впечатление произведёшь желаемое.

Вея показала наставнице язык, тоже улыбнулась, но сразу же напустила на себя серьёзность и высокомерие, гордо расправила плечи и вздохнула.

– Идём.

* * *

День выдался жарким, поэтому для почётных гостей перед входом в шатёр Веи с помощью магии была возведена просторная, тенистая беседка, в пространстве между витыми колоннами которой сверху вниз, даря прохладу, беззвучно струились потоки ледяной воды. Внутри беседки ломился от изысканных угощений широкий стол, а по разные стороны от него стояли два изящных позолоченных кресла – для королей.

В этот раз зачарованные воины Аукероста не сомкнулись плотными рядами, а рассредоточились вдоль магической ограды, демонстрируя готовность разрубить на куски любого, кто посмеет хотя бы косо посмотреть на их госпожу. Ведьмы тоже вышли к гостям не все – только Лейза и Нирима. Они не прятали своих лиц под капюшонами, поэтому гостям предоставилась возможность хорошенько разглядеть меллеорских красавиц.

Для Веи и её спутниц тоже была установлена беседка, но поменьше, без стола и увитая цветущими розами – напротив той, что предназначалась гостям. Расстояния в пять шагов хватало для того, чтобы видеть лица друг друга, и вид короля Сеаркаты сразу же вызвал у полубогини недоумение. Со слов ведьм и Маркуса она представляла себе Эгдана сморщенным коварным старикашкой, а Наэна – невзрачным мужчиной лет сорока пяти. Меллеорский король этим представлениям вполне соответствовал – дорогая, но скромная одежда, приличных размеров залысины в редких волосах, усталый, но пронизательный взгляд. Но Эгдан...

– Кто это? – нахмурилась Вея, по пути к своему месту настороженно разглядывая сидящего в беседке мужчину средних лет, лицом и повадками больше похожего на хорька, чем на человека.

Лейза тоже нахмурилась, потому что никто не удосужился доложить ей, что вместо короля Сеаркаты на аудиенции будет присутствовать кто-то другой.

– Это Браул, один из советников Эгдана, – шепнула она Вее.

– А где сам Эгдан?

– Понятия не имею, но я разберусь, а ты действуй, как было запланировано.

Она хотела уйти, но Вея придержала её за руку и улыбнулась.

– Мы просто спросим, успокойся.

Заметив приближающихся дам, оба мужчины встали, но не рухнули на колени, как до этого кьорвиги, а лишь склонили головы в почтённом приветствии.

– Прошу простить моего повелителя за то, что он не явился на эту архиважную встречу сам, но ему нездоровится, – сразу же заискивающе залепетал советник.

– Он просто струсил, – послала ему Вея ослепительную улыбку и села на позолоченную скамью в своей беседке, шурша пропитанными искрящейся магией юбками. – Сядьте, у вас обоих наверняка был полный забот день.

Наэна Третьего по праву считали мудрым правителем – он сразу понял, что беседа предстоит непростая, поэтому решил повременить с изъявлениями своего почтения к золотому дракону и его Душе. Он настороженно сдвинул брови и молча сел, а советника Браула слова Вей возмутили до такой степени, что его дар речи на несколько мгновений пропал, но потом вернулся одновременно с самообладанием.

– Могу я узнать, почему у Души золотого дракона сложилось столь превратное мнение о владыке Сеаркаты? – сощурился он, продолжая стоять.

– Превратное? – вскинула брови Вея, сочтя, что божественный статус даёт ей право быть не особенно вежливой даже с коронованными собеседниками. – Этот человек уничтожил мою семью, а теперь наживается на охотниках за редкостями, позволяя им грабить мой дом, что они уже давно бы сделали, если бы им не мешали чёрные драконы. Твой король и не собирался встречаться со мной, не так ли? Он прекрасно знал, что тёплого и радушного приёма для него здесь не будет. Не будь он трусом, я бы сейчас принимала его извинения, а не слушала твои смехотворные попытки обелить честь того, кто не имеет ни малейшего представления о чести.

Лейза бросила на девушку короткий взгляд, переживая, что злость и обида перевесят здравый смысл. Вея выглядела совершенно спокойной и даже улыбалась, но смотрела на советника таким тяжёлым взглядом, что мужчина смутился, сел и полез в карман своего сюртука за носовым платком, чтобы промокнуть выступивший на лбу пот.

– Очень жарко, простите, – виновато объяснил он необходимость своих действий.

– Да, погоды стоят далеко не осенние, – с лёгкой усмешкой согласилась Вея и перевела взгляд на короля Меллеории. – Надеюсь, мои утренние гости никому не доставили хлопот?

– Кьорвиги доставляют хлопоты самим фактом своего существования, – отозвался Наэн. – Я предпочёл бы, чтобы они держались подальше от берегов этого королевства, но что мои желания значат в сравнении с волей Души золотого дракона?

– Ты желаешь мира и покоя для своего народа, – понимающе кивнула Вея. – Я уважаю это желание и могу его выполнить, но не безвозмездно.

– Сделка, – улыбнулся король. – Я так и думал. Будь в тебе та сила, о какой слагают баллады и песни по всему миру, ты не пряталась бы за магическими стенами, не окружала бы себя войском и не просила бы, а брала всё, что хочешь.

Вея напряглась, и это не скрылось от внимания Лейзы, которая тоже не ожидала от короля Меллеории такой прямолинейности. «Успокойся», – еле слышно шепнула ведьма, опасаясь, что и эти переговоры пройдут не так, как было задумано. Поздно. Взгляд девушки полыхнул огнём, и рукав сюртука советника Браула вспыхнул языками настоящего пламени. Советник вскочил с громкими воплями и потушил этот маленький пожар, сунув руку под воду, потоки которой образовывали стены беседки, а Вея прямо посмотрела на Наэна и сухо произнесла:

– Я могу взять то, что хочу. Тебе даже погребальные костры разводить не придётся, потому что они загорятся сами. Вопрос в том, останутся ли после этого у короля Меллеории подданные, о благополучии которых ты так печёшься.

– А как же законы природы? – недоверчиво уточнил Наэн. – Не боишься погибнуть сама, если обернёшь магию против людей?

– Сама? – ослепительно улыбнулась Вея. – Я разве сказала, что буду принимать в этом какое-то участие? В моей власти приказать кьорвигам обходить стороной берега Меллеории

или позвать их сюда и подарить им это королевство. Тебе нужно только решить, кого ты хочешь видеть под окнами своего замка завтра – любящий и уважающий тебя народ или мертвецов и толпу дикарей.

– Значит, не сделка, а шантаж, но суть от этого не меняется, – усмехнулся король. – И чего же ты хочешь, Вея Ког?

Он не видел в ней божество. Ни магия, которую ведьмы решили продемонстрировать в изобилии, ни напускное величие не работали. Королю Наэну Третьему было доподлинно известно, что перед ним сидит обычная колдунья, пусть и с необычной магией в крови. Он не боялся её. Не проявлял ни почтения, ни даже уважения – странный результат, учитывая, сколько стараний ведьмы вложили в слухи, распускаемые ими о невероятном могуществе Души золотого дракона. Но ещё хуже было то, что при этой беседе присутствовал советник другого короля, который наверняка донесёт своему правителю всё, о чём здесь говорилось – неприятная ситуация, из которой нужно было как-то выкручиваться.

Вея прошлась задумчивым взглядом по воинам Аукероста, но все эти мужчины были зачарованы, и если бы она отдала приказ кому-то из них, то пострадала бы ведьма, которая накладывала чары верности и безоговорочного подчинения. Да, ведьмы понимали последствия этого колдовства, но девушке не хотелось, чтобы кто-то в клане был обречён на гибель из-за её решения.

– Лейза, – громко произнесла она, остановив свой взгляд на неприятном госте, который явно был возмущён тем, как полубогиня обошлась с его сюртуком. – Перережь советнику Браулу горло и отправь его голову королю Эгдану Справедливому с советом очистить Сеаркату от искателей артефактов и охотников за редкостями, если он не хочет, чтобы за него это сделали кьорвиги.

Советник взвизгнул, выскочил из беседки и попытался сбежать, но у него на пути встали два воина Аукероста. Лейза выполнила первую часть приказа госпожи, хотя предпочла бы не делать этого. Кровь хлынула на дорожную ткань сюртука, мёртвый советник обмяк в руках воинов и повалился на землю, а Вея вопросительно посмотрела на единственного живого гостя, ожидая его реакции.

– Весьма опрометчивый поступок, – с невозмутимым видом заметил Наэн и отправил в рот крупную спелую виноградину.

– И почему же? – уточнила девушка.

Король Меллеории тщательно прожевал ягоду, проглотил её и запил вином из золотого кубка, демонстрируя отсутствие опасений, что его отравят.

– Эгдан стар, жаден, глуп и труслив, как ты очень верно подметила, – наконец-то прозвучал ответ. – С недавних пор он только носит на своей голове корону, но правит Сеаркатой совсем другой человек. Колдун. О нём все слышали, но никто этого таинственного колдуна не видел. И он, в отличие от тебя, не опасается последствий, используя магию против людей. Сегодня утром, пока ты принимала здесь дикарей, я имел возможность убедиться в этом лично, после чего передал всё, чем владею, новому правителю Меллеории Эгдану Справедливому. Я больше не король, дочь Тангура Кога. Просто посланник в интересах речных земель. Ты могла бы получить от меня то, что хотела, если бы согласилась на встречу раньше. Сегодня от меня уже ничего не зависит, а земля, которая сейчас жадно впитывает кровь советника короля, принадлежит этому самому королю. Речные драконы, гора Меллео, святилище под ней и даже мёртвые ведьмы в хрустале – всё это теперь во власти человека, который не давал меллеорским ведьмам никаких обещаний. А знаешь, зачем это колдуну короля Сеаркаты?

– Чтобы получить меня, – в ужасе выдохнула Вея.

– Ты слишком высокого о себе мнения, – улыбнулся Наэн. – Ему нужна власть над чёрными драконами, а получить её можно только через кровь последнего Колехорта, которого вы здесь прячете.

– У тебя были обязательства перед кланом Меллео, – гневно напомнила ему Лейза, тоже шокированная такими новостями.

– Были, но я поставил интересы своего народа выше, – пожал плечами король, который больше не был королём, и вынул из-за пазухи свёрнутый трубочкой пергамент. – Это условия вашего дальнейшего пребывания на острове Сеар. Вы остаётесь и продолжаете своим присутствием приносить королевствам доход. Ни с кем не ведёте никаких переговоров и никому ничего не обещаете. Не пытаетесь покинуть остров. Магическая стена возле святилища остаётся для вашей защиты от охотников, но Маркуса Колехорта вы выдадите мне немедленно. За стеной меня ждёт сопровождение, и если я не выйду к ним вместе с Колехортом до заката, выйду один или умру, сюда придут не воины, а речные драконы.

– Ты лжёшь! – сверкнула глазами Нирима. – Повелевать речными драконами не может никто!

– Если среди вас есть провидица, она может заглянуть в мой разум и увидеть всё собственными глазами, – предложил Наэн.

Нирима вопросительно посмотрела на Лейзу, получила в ответ утвердительный кивок и подошла к гостю, который невозмутимо продолжал поглощать виноград. Тонкие пальцы ведьмы легли на его лысеющую голову, и воздух задрожал от силы заклинания, позволяя Вее и Лейзе увидеть то, что открылось провидице.

Не человек – тень. Сверкающая молниями грозовая туча с очертаниями человеческой фигуры. Он стоял на берегу озера неподалёку от крестьянских хижин и совершал плавные движения подобием рук, а в воздухе над ним, разбрасывая во все стороны капли воды, повторяли те же движения длинные, гибкие, покрытые жемчужной чешуёй речные драконы. Два дракона. Одна рука колдуна резко опустилась вниз и указала на хижины – один дракон немедленно последовал в этом направлении и начал крушить жилища крестьян, убивая всех на своём пути.

«Сам видишь, что будет, если ты продолжишь упрямиться», – прокрипел старческий голос, и Нирима оборвала видение.

Ужас – не то слово. Всего несколько минут назад Вея пыталась угрожать Наэну кьорвигами, но открывшееся ей зрелище было в разы хуже того, что могли учинить в меллеорских землях дикари.

– Мы отдадим Колехорта, – бесцветным голосом произнесла Лейза.

– Нет! – вскочила Вея, уже давно забыв о том, что должна себя вести подобающе боже-ству.

– Прости, – виновато нахмурилась ведьма. – Мы поклялись оберегать тебя любой ценой.

– К демонам вас и ваши клятвы! Маркуса я не отдам! – зло выплюнула девушка, сорвала с шеи ожерелье, вытасила из волос гребень, бросила украшения к ногам наставницы и зашагала к своему шатру.

– Оставайся здесь, – приказала Лейза бывшему королю Меллеории, который никуда и не собирался уходить.

Ведьма вошла в большой шатёр вслед за своей подопечной, а через несколько минут выглянула оттуда и жестом подозвала двух воинов.

– В Колехорте больше нет магии Акиля, поэтому драконы и вернулись в Лунные горы, – с грустью в голосе сообщила Нирима гостю. – Колдуну Эгдана не будет никакого проку от этого мужчины.

– Полагаешь, эта информация как-то должна повлиять на цель моего визита? – спокойно осведомился Наэн.

– Нет, – покачала провидица головой. – Но Маркус Колехорт очень дорог Душе богини, и вы сильно заблуждаетесь насчёт её возможностей. Она будет мстить.

– И начнёт с вас, – заметил Наэн.

Ответом ему был тяжёлый вздох.

– Да. Начнёт она с нас.

Глава 4. Жажда мести

Маркус слушал щебет ранних утренних птах где-то неподалёку от шатра и размышлял о том, как отговорить Вею от опрометчивого решения. Он не был знаком с Наэном Третьим, но по сведениям из разных источников знал, что король Меллеории любит и уважает свой народ. Честен, мудр и справедлив, чего нельзя сказать об Эгдане, который уже не раз показывал подданным своё истинное лицо. Но даже с добрыми королями нужно уметь общаться, а у Вей такого опыта не имелось. Короли не терпят, когда у них что-то требуют.

– Маркус, проснись! – ворвался в его сознание голос любимой, которая мирно спала рядом.

Это было странно. Либо Вея спит, либо пытается его разбудить – одновременно это происходить не может.

– Маркус!

Невозможно. В шатре было две Вей, одну из которых он держал в своих объятиях, а вторую видел прямо перед собой – взбешённую и невероятно красивую.

– Что за...

Но Вей исчезли. Обе. Шатёр тёже исчез. Всё пропало, а взамен того, что было, пришли тьма и боль. Всё тело налилось свинцовой тяжестью, руки онемели, а по жилам будто бы начал течь жидкий огонь. И дышать было тяжело, потому что на смену свежему утреннему воздуху пришел влажный смрад, пахнувший одновременно плесенью, кровью и дымом.

– Мне он нужен живым, – пробился сквозь звон в ушах незнакомый мужской голос. – И чем дольше, тем лучше. Я отдам его тебе после того, как заберу всю магию, какая в нём есть.

– Ведьмы сказали, что в нём больше нет магии Акиля, – возразил мужчина помоложе.

– А мне и не нужен дар Странника. Мне нужна магия стаи чёрных драконов.

– А моя?

– В тебе её было слишком мало. Колехорту она досталась по наследству, поэтому в нём нужной мне силы больше, и она чище.

На какое-то время наступила тишина, нарушаемая лишь тихим звоном стеклянных сосудов и шелестом одежд, а потом вновь зазвучал молодой голос, но уже раздражённо.

– Сколько времени тебе нужно, чтобы всё закончить?

– Не могу сказать, – отозвался второй мужчина. – Магия драконов капризна, с ней очень сложно работать.

Последовал тяжёлый вздох, послышались удаляющиеся шаги, и Маркус попытался открыть глаза, чтобы увидеть того, кто уходит, но не смог.

– Я убью тебя, Колехорт, – раздался зловеющий шёпот над самым ухом. – Наслаждайся остатками жизни, пока колдуну нужна твоя кровь, а потом я заставлю тебя проснуться, чтобы ты мог видеть, как умирает твоя рыжая шляха. Я буду брать её у тебя на глазах раз за разом. Буду резать на куски её нежное тело и скармливать плоть схавивиям, пока эта ведьма не сдохнет. Ты будешь всё видеть, но не сможешь помешать. А потом настанет и твой черёд. Медленно, убудок. Я буду убивать тебя так медленно, что ты начнёшь мечтать о смерти, но не получишь её, пока мне не надоест смотреть, как ты страдаешь. Тебе стоило умереть от руки Таирии, потому что я на мгновенную смерть точно не расщедрюсь. За каждую её слезинку ты заплатишь куском...

– Джевед, вот ты где! – прервал поток чудовищных угроз старческий женский голос. – Идём, мальчик. Эгдан хочет, чтобы ты присутствовал на Совете.

– Да, Гри, конечно, – отозвался молодой человек.

Они ушли, а Маркус погрузился в невесёлые размышления о том, что могло произойти, пока он пребывал в оковах собственного разума. Вероятно, он заснул, и Вея решила не беспо-

коить его утром, когда должны были состояться назначенные ею встречи с королями. Ну или его странный, очень реальный сон был результатом её колдовства – она ведь могла так поступить, чтобы Колехорт ни во что не вмешивался. Бесчестно, да, но её можно понять. А потом что-то пошло не так, и она попыталась его разбудить, но не успела.

Откуда взялся Джевед? В Акильфадии никто не выжил – Олаф там все норы облазил, но нашёл только останки колдунов и детей в южных пещерах. Все погибли. Но Джевед-то жив. Значит, он находился далеко от замка, когда утёс обрушился в море. Возможно, пытался выбраться в Предгорье тем же путём, каким его привёл Аарек, поэтому и спасся. А его жажда мщения обусловлена, вероятнее всего, гибелью Таирии – других причин до зубовного скрежета ненавидеть Маркуса Колехорта у этого мальчика не было.

Зачем какому-то колдуну нужна магия драконьей стаи? Это простой вопрос, и ответ на него – подчинение. Колдун хочет получить власть над чёрными драконами. Маркус слышал о могущественном колдуне Эгдана, но не думал, что способности этого человека могут быть настолько велики. Извлечь магию стаи из человеческой крови – такое и меллеорским ведьмам не по плечу, хотя они и считаются самыми сильными колдуньями во всех островных королевствах. Вывод – колдун прибыл откуда-то издалека. Зачем? Не имеет значения. Вопрос – как от него избавиться или хотя бы сбежать, если тело полностью обездвижено каким-то заклятием?

И самое главное – что с Веей? Ведьмы никому не дали бы её в обиду, их преданность Душе золотого дракона не знает границ. Есть ещё целое зачарованное войско Аукероста и магическая стена – вряд ли с девушкой могла приключиться какая-то беда. Маркусу не хотелось даже думать о том, что могущественный колдун Эгдана каким-то образом разрушил все чары, и Вея действительно попала в руки старшего брата, опьянённого жаждой мести. Она – боже-ство. На её защиту встанут... А кто встанет, если за пределами магической стены никто даже не знает, как она выглядит?

Это было невыносимо. Осознание собственного бессилия одновременно со страхом за жизнь самого дорогого для тебя человека – ужаснейшая из мук. Джевед ещё даже ничего не сделал, а Маркус уже готов был выть от отчаяния.

– Ну что, Колехорт, посмотрим, чем ты можешь быть мне полезен, – просочился сквозь его душевные терзания голос колдуна. – Вижу, ты проснулся, поэтому придётся потерпеть. Будет больно.

Что-то острое вонзилось в шею немного ниже уха, и жидкое пламя в крови взорвалось, раздирая разум на тысячи никак не связанных между собой образов и мыслей. Из памяти почему-то всплыло лицо Аллелии и её слова: «Этой магией Лунные горы пропитаны насквозь, потому что драконы жили здесь очень долго». Тьма вспыхнула зелёным огнём целительной магии, перед мысленным взором возникла каменная поверхность, по которой заструились во все стороны тонкие ручейки магического света. «Всё будет хорошо...» – прошуршал где-то в глубинах сознания голос золотого дракона, и Маркус понял, что искал в его крови могущественный колдун. Понял, но сразу же забыл, поскольку новый приступ невыносимой боли погрузил его в глубокое, спасительное беспомыслие.

* * *

– Где девчонка? – грозно осведомился Джевед, распахнув дверь в помещение, где соби-рался Совет, с такой силой и яростью, что тяжёлые створки врезались в стены. – Ты обещал, что её тоже привезут!

Присутствовавшие на этом утреннем собрании советники уставились на него с недоуме-нием, а в глазах короля Эгдана промелькнула тень недовольства.

– Успокойся и сядь, – приказал он приёмному сыну. – Я позвал тебя не для того, чтобы выслушивать жалобы и претензии. Мы обсуждаем кандидатуры наместников в Меллеории.

– Ответь на мой вопрос, и обсуждайте потом, что хотите, – злобно прошипел Джевед.

– Сядь, мальчишка! – грохнул Эгдан по столу кулаком. – Твоё безрассудство переходит все допустимые границы!

– Так откажись от меня, жалкий старик.

Это прозвучало столь нагло и надменно, что любого другого Эгдан немедленно приказал бы казнить, но поступить так с приёмным сыном он не мог, и Джевед прекрасно об этом знал. У короля имелись законные сыновья, к которым после его смерти могла перейти власть над Сеаркатой, но эти мужчины вряд ли смогли бы править королевством. Один из них был недалёким сластолюбцем и погряз в разврате. Второй давно создал семью где-то в других обитаемых землях и не имел намерения возвращаться даже ради короны на своей голове. Третий не проявлял ни лидерских качеств, ни интереса к политике. Четвёртый отличался чрезмерной, почти звериной жестокостью. О незаконнорожденных отпрысках на троне речь даже не шла, и приёмный сын короля Джевед Бричран оставался единственной приемлемой кандидатурой. Этот мальчик был спесив и пока ещё по-юношески эмоционален, но умён. Не так давно ему исполнилось двадцать четыре года, и в этом возрасте он уже проявил силу воли и решимость, пусть и не в том направлении, в каком хотелось бы владыке.

Любовь к Таирии Эгри застила Джеведу глаза. Теперь эта досадная помеха отсутствовала, а желание мстить утихнет после того, как мальчику будет позволено убить Колехорта – на это Эгдан возлагал большие надежды, поскольку хотел, чтобы приёмный сын наконец-то избавился от душевных мук и взялся за ум.

Джеведа нашли в снегу неподалёку от северной сторожевой башни у Долгого озера спустя месяц после того, как он украл одного из драконов и умчался мстить Маркусу Колехорту за страдания и смерть своей возлюбленной. Он был измучен и болен, едва не умер, но старуха Гри выходила его. Джевед рассказал ей, как встретился с акильфом Аарек, которого стражи северной башни хотели казнить на месте за нарушение запрета покидать Акильфадия, как и предписывал закон. Узнал, что Таирия жива, но с ней дурно обращаются. Хотел добраться до акильфийского замка на драконе, чтобы забрать девушку, но чудовище отказалось лететь через Лунные горы, поэтому пришлось пробираться за их пределы тем же путём, каким Аарек выбрался в Предгорье. Акильф провёл его подземными ходами прямо в замок, но в конце этого путешествия их встретили погребальные костры. Таирия заплакала от счастья, когда увидела Джеведа, но она была в ужасе из-за всего, что произошло в Акильфадии, и умоляла своего спасителя убить ведьму, жуткий ритуал которой уничтожил весь клан колдунов. Джевед выполнил её просьбу незамедлительно, хотя ведьма и так уже была обречена на смерть. После этого появился золотой дракон и унёс Колехорта вместе с его друзьями и рыжеволосой колдуньей в неизвестном направлении. Аарек был в гневе из-за того, что потерял сородичей, и велел чужакам убираться прочь с его земель. Путь домой был только один – под горами. Таирия не слишком хорошо себя чувствовала из-за беременности, но не жаловалась даже тогда, когда им пришлось вброд переходить подземную реку по колено в ледяной воде. А потом случился обвал. Камни просто посыпались им на головы сверху, и в какой-то момент Джевед потерял сознание, потому что получил сильный удар по голове. Когда он очнулся, проход позади него оказался полностью заваленным, а Таирии рядом не было. Он помнил, что она замешкалась. Помнил, как протягивал ей руку и звал, а она кричала, что ей страшно.

Эгдан посылал людей к северным отрогам Лунных гор, но чёрные драконы не подпустили их близко. Джевед тоже рвался отыскать вход в тоннель, когда достаточно окреп после болезни, но вскоре пришло известие, что акильфийский замок рухнул в море, а он был единственным местом, куда Таирия могла вернуться, если не погибла под завалами. «Её больше нет. Прими это и продолжай жить», – с грустью в голосе сказал тогда приёмному сыну король, хотя на самом деле был рад, что всё закончилось именно так. Он всегда считал Таирию Эгри плохой партией для Джеведа.

Горевал мальчик не слишком долго, потому что почти сразу же вылил своё горе в другое чувство – ненависть к Маркусу Колехорту. Вину Маркуса он видел в том, что тот не отказался от невесты, которая была ему не нужна, и в том, что Колехорт потащил Таирию с собой в горы, заведомо зная, насколько опасным может быть это путешествие. Золотой дракон принёс девушку и несколько мужчин к святилищу под горой Меллео – об этом знали все. Джевед побывал там и даже своими глазами видел зеленоглазых меллеорских ведьм, очень похожих на ту колдунью, которую Колехорт забрал из Акильфадии. Увы, защитная магическая стена не позволила мальчику добраться до объекта его ненависти и утолить жажду мщения.

Потерпев неудачу, Джевед исчез на несколько месяцев, а потом вернулся в королевский замок в Сеаркате в обществе жуткого колдуна и потребовал, чтобы Эгдан объявил Меллеории войну, раз уж войнам прибрежных гарнизонов больше не нужно защищать побережье от кьорвигов. Получить власть над землями, на которых стоит гора Меллео, чтобы на законных правах требовать у ведьм выдачи Колехорта – таков был его план. Перед этим мальчик пробовал мирным путём договориться о том же с Наэном Третьим, но получил отказ.

Эгдан увидел в этом требовании шанс значительно расширить границы своего королевства и получить власть над всем островом Сеар. В Меллеории бедная, болотистая земля, и в другое время эти владения не представляли бы для него никакого интереса, но теперь к горе Меллео в невероятном количестве стекались паломники, которые могли обогатить казну не хуже охотников за редкостями. Наэн – слизняк, ему совесть не позволит устанавливать поборы, когда речь идёт о поклонении неожиданно появившемуся божеству, но Эгдан со своей совестью по данному поводу договорился уже давно.

Душа золотого дракона – пустышка, которая ничего не может дать людям. Смертная, уязвимая ведьма с такой же магией, какая есть у всех меллеорских ведьм. Этой информацией с королём Сеаркаты поделился привезённый Джеведом колдун, который нарушал законы природы налево и направо, не опасаясь возмездия. Гаха-Диун брал силы для колдовства не у природы, а у своих мёртвых предков – это очень удобно, поскольку ответственность за его деяния ложилась на тех, кому было уже всё равно. Его могущество не знало границ, поэтому прибрать к рукам Меллеорию удалось без боя, но на этом интересы короля, колдуна и Джеведа разошлись.

Кровь Колехорта – цена, которую Гаха-Диун назвал за свои услуги. Душа золотого дракона этого человека не интересовала, поэтому её дальнейшая судьба оказалась во власти нового законного правителя Меллеории. Джевед не скрывал своего намерения «выпотрошить эту девку на глазах её любовника», а Эгдан опасался, что это может привести к плачевным последствиям для всего королевства. Конфликт усугублялся тем, что Джеведу каким-то образом стало известно о смертном приговоре, который больше полугода назад король Сеаркаты вынес супруге Маркуса Колехорта Таирии Эгри. Отношения между Эгданом и его приёмным сыном с тех пор были очень натянутыми, но в своих родных детях король достойных преемников власти над королевствами не видел, поэтому терпел возмутительное поведение Джеведа и надеялся, что когда-нибудь мальчик образумится.

– Ты прав, – вздохнул правитель острова Сеар, снял со своей седой головы корону и положил её на стол. – Да, я жалкий старик. Я настолько стар и жалок, что уже даже собственный зад не могу подтереть без посторонней помощи. Но я пока ещё король, и моё слово – закон. Ты просил Колехорта? Ты его получил. А девчонку я тебе на растерзание отдать не могу, прости. Она – залог процветания моих королевств. Пока золотой дракон недосыгаем, охотники за ним будут нести золото в мою казну. Если с Душой золотого дракона приключится какая-то беда, дракон может примчаться к ней на выручку, и тогда для нас всё закончится. Его убьют, а интерес к острову Сеар останется только у кьорвигов, которым уже никто не помешает ворваться сюда с юга и востока. Понимаешь, да? Твоё желание отомстить Колехорту может уничтожить два королевства. Кем я буду, если допущу это? Точно не королём.

– Ты обещал! – снова прорычал Джевед. – Кем ты будешь, если не сдержишь своё обещание?

– Мудрым правителем, – пожал плечами Эгдан. – Я знаю, что Гаха-Диун способен разрушить магическую стену, возведённую ведьмами вокруг горы Меллео, и предположил, что ты попросишь его об этом, поэтому заранее позаботился об интересах моих королевств. Этой ночью корвиги увезли бесполезную для нас рыжую ведьму в свои земли, потому что боготворят её, а остров Сеар в обмен на этот щедрый дар получил гарантию, что набегов больше не будет даже в том случае, если золотой дракон издохнет. Гаха-Диуну всё известно, и он даже принимал в этом непосредственное участие, поскольку признал мудрость такого решения. Прости, Джевед, но тебе придётся пересмотреть свой план мести и довольствоваться только смертью Колехорта. А теперь сядь, мой мальчик, и прояви хоть немного интереса к теме, которую мы здесь обсуждаем. Я не могу усадить свой зад на два трона одновременно, поэтому нужно решить, кем заменить слизняка Наэна.

Джевед не хотел участвовать в принятии столь важного решения, поскольку был зол, как тысяча демонов, вместе взятых. Он не видел, как умерла Таирия, но испытывал такую боль от её потери, что утолить эти невыносимые страдания могли только равноценные муки Колехорта. Эгдан, которого тоже следовало наказать за подлость, лишил его этой возможности, поэтому правильным могло быть только одно решение.

– Я поеду в Меллеорию и буду править ею от твоего имени.

– Ты нужен мне здесь, – нахмурился Эгдан.

– У тебя четыре наследника, вот и займись их перевоспитанием, чтобы было кому передать корону, а я больше не желаю видеть ваши отвратительные рожи и слушать гнусные речи, которые вы называете политикой. Либо ты назначишь наместником меня, либо я просто навсегда исчезну из твоей жизни сегодня же. Выбирать тебе, мудрый король. Пусть мне сообщат о решении, а я пока соберу свои вещи.

Джевед ушёл, а когда стражники закрыли за ним дверь, король Эгдан вернул корону на свою голову и с видом победителя посмотрел на советников.

– Я же говорил, что он согласится. Если сможет стать хорошим правителем там, то справится потом и здесь. Поскорее бы только Гаха-Диун получил от Колехорта то, что хочет, а то жажда мести портит мальчику характер.

Глава 5. Дела богов

У Хьюдрика не было слов. У Микенора они имелись, но преимущественно неприличные. Ведьмы каким-то заклинанием погрузили обоих мужчин в глубокий сон, а разбудить удосужились только тогда, когда изменить что-либо было уже невозможно. Маркуса нет – его тоже усыпили и отдали королю Эгдану, потому что какому-то колдуну понадобилась кровь Колехорта. Веи нет – её забрали кьорвиги, заключившие сделку с тем же самым королём. Девушка при этом тоже крепко спала, поскольку это был единственный способ угомонить её, когда забирали Маркуса. И Лейзы нет – она отправилась в путешествие на Мёртвые острова вместе с Душой золотого дракона, чтобы выполнить свои клятвы. Зато есть Таирия Эгри, которая каким-то чудом ухитрилась выжить в опустевшей Акильфадии, но при этом потеряла ребёнка, рассудок и волю к жизни.

– Да чтоб вас всех демоны...

– Мик, уймись, – проворчал старик, прервав очередной поток отборной брани. – Надо понять, что и для кого мы теперь можем сделать.

– Вы не должны ни во что вмешиваться, – возразила на эти слова дородная красавица Гленда, которую Лейза оставила за главную. – Всё должно выглядеть в точности так, как было раньше. Вею увезли отсюда для её же безопасности. Колдун короля вряд ли станет нам вредить, но он не единственный, кто пользуется тёмной магией предков. Наша защита не устоит перед такой силой, понимаете? Если кто-нибудь из охотников приведёт сюда такого колдуна, мы ничего не сможем ему противопоставить. Никто не видел Вею, и любая из нас может выдать себя за неё, если потребует. Мы остаёмся здесь и продолжаем делать вид, что ничего не изменилось. Никаких встреч и приёмов больше не будет. Никто больше не пересечёт магическую границу, но и отсюда тоже никто не выйдет. Это нужно для того, чтобы все думали, что Душа богини всё ещё здесь. Так её не будут искать.

– Но почему кьорвиги?! – возмутился Микенор. – Почему нельзя было увезти её в этот ваш Аукерост, например? Зачем вы отдали её дикарям?

Он волновался не за Вею, а за её спутницу, но их с Лейзой отношения были тайной для всех, поэтому приходилось проявлять осмотрительность даже в такой ситуации.

– Вольный народ чтит драконов как богов, – пояснила Гленда. – Они считают Вею божеством и не причинят ей никакого вреда. Напротив, с ними она даже под большей защитой, чем с нами, потому что их тысячи, и они мужчины, а наш клан и двух сотен ведьм не насчитывает. Верховная Мать будет в ужасе, конечно, что так вышло, но это и правда лучшее решение.

– Маркус всё ещё в Меллеории? – задумчиво поинтересовался Хьюдрик.

– Нет, – покачала головой ведьма. – Эгдану вчера нездоровилось, поэтому он, два его советника и колдун покинули замок в Набгарате только на рассвете. Вашего друга они забрали с собой. Наэн после этого прислал птицу с письмом. Просит не делать глупостей. Он больше не король, но всё же волнуется за судьбу своего народа.

– Его оставили наместником?

– Вряд ли. Он слишком добр, а Эгдан алчен. Думаю, это будет кто-то из сыновей короля.

– Я убью её, – неожиданно заявил Микенор.

– Кого? – уточнил Хьюдрик.

– Сучку Таирию, кого же ещё?

– А сейчас-то она в чём виновата?

– Мне просто очень хочется кого-нибудь убить, а она это заслужила, – пояснил Микен.

Гленда адресовала ему грозный взгляд, который мог означать только одно – мужчин снова уложат спать, если возникнет хотя бы подозрение в том, что они пытаются кому-то навре-

дить или во что-то вмешаться. Хьюдрик обречённо покачал головой и на всякий случай спросил:

– Но птицу-то отправить можно?

– Мальчику, который в Лунных горах? – уточнила ведьма. – Не думаю, что это хорошая идея. Он захочет помочь кузену и пострадает сам. Пусть всё остаётся так, как есть.

– Как есть? – гневно вскинул брови Микенор. – Вы отдали нашего друга какому-то потрошителю и хотите, чтобы мы сидели тут тихо и делали вид, будто так и должно быть?

– Мик, она права, – поморщился Хьюдрик. – Прямо сейчас мы Маркусу ничем помочь не можем, а второпях наломаем дров. Сунемся спасти его – погибнем. Втянем в это Олафа – тоже ничего хорошего не выйдет. Нужно успокоиться и всё хорошенько обдумать.

Микен выдал очередную порцию ругательств и вышел на улицу. Он был зол на ведьм за то, что в своих решениях и действиях они руководствовались исключительно интересами и традициями клана. Им плевать на мужчин. Плевать на чужие чувства. Неприятнее всего было думать, что Лейза точно так же безропотно отдала бы и его тоже, если бы колдуну короля Эгдана понадобилась кровь не Маркуса Колехорта, а Микенора Рэдгала.

Ноги сами понесли его к маленькому шатру, где, по словам Гленды, разместили Таирию Эгри. Не ради того, чтобы убить эту глупую стерву – просто захотелось посмотреть, во что её превратили страдания. Из шатра ему навстречу вышла ведьма с ночным горшком в руках, но ни слова не сказала и ни единым жестом не дала понять, что входить нельзя. Только шаг в сторону сделала, чтобы ненароком не облить гостя содержимым своей ноши.

От прежней Таирии Эгри осталась только бледная тень. Она сидела на большой перине, одетая в лёгкую тунику, и, не моргая, смотрела в пространство прямо перед собой. Щёки ввалились, под глазами залегли тёмные круги, а взгляд казался таким безразличным, что Микен засомневался, заметила ли она вообще его присутствие. Девчонка не могла его узнать, потому что Лейза исцелила все уродливые увечья на теле и лице, но голос-то самого ненавистного калеки Таирия должна была помнить.

– Почему из всех, кто там оставался, выжила именно ты? – презрительно процедил Мик сквозь зубы. – И почему твоё появление снова сопровождается проблемами для других?

– Она тебя не слышит, – раздался за его спиной голос Ниримы, которая приходилась Лейзе двоюродной сестрой. – Не слышит, не видит и не боится, если ты именно этого добивался.

Ведьма обошла Микена сбоку, уложила Таирию на подушки и укрыла её тонким покрывалом.

– Зачем вы с ней возитесь? – брезгливо скривился мужчина.

– Боги уже наказали её за всё то зло, которое она причинила за свою недолгую жизнь, и в том, что она до сих пор дышит, есть какой-то смысл, – улынулась Нимира. – Подумай. Когда вы встретились впервые, это обернулось для вас проблемами. Возможно, нынешняя ваша встреча нужна для того, чтобы что-то исправить.

– В прошлый раз она чуть не убила Маркуса, а теперь спасёт ему жизнь? Так что ли? – скептически уточнил Микенор. – Не смейся. Кого она может спасти, если вы горшки за ней выносите?

– Время покажет, – прозвучал пространственный ответ, после чего голос ведьмы понизился почти до шёпота. – Лейза просила сказать, что должна была так поступить. Не вини её.

Микен не ответил. Бросил на Таирию ещё один презрительный взгляд и покинул шатёр, потому что не хотел больше думать о Лейзе, говорить о ней и надеяться на то, что когда-нибудь она откажется от своего клана ради любви. Она предала его и поэтому не заслуживала, чтобы о ней думали.

Вернувшись в мастерскую, Мик обнаружил там спокойно беседующих Хьюдрика и Гленду. Он не понимал, как можно сохранять спокойствие, когда вокруг творится такое. Ну

ладно стервозные ведьмы со своими отвратительными традициями, но Хью! Да, какой-то план действий нужен, но ведь время-то уходит. Маркус, возможно, уже мёртв – эта мысль разрывала сердце Микенора не меньше, чем вероломство Лейзы.

– Я уйду, – сообщил он Хьюдрику.

– Куда? – нахмурился старый командир.

– Какая разница? В столицу, возможно. Попробую узнать, что с Маркусом. Или наконец-то воспользуюсь щедрым подарком короля и на собственном клочке земли построю бордель, в котором все шлюхи будут рыжими. Здесь я не останусь.

– Тебя убьют сразу же, как только ты перейдёшь магическую границу, – с невозмутимым видом сообщила ему Гленда. – Отсутствие Веи в святилище должно оставаться тайной, поэтому у меллеорских воинов приказ живым никого отсюда не выпускать.

– Я уйду через горы, там нет стражи, – упрямо заявил Микен, пристегнул к поясу ножны и потребовал у ведьмы: – Выпусти меня.

– Мик, остынь, – попытался образумить его Хьюдрик.

Тщетно. Обманутым воином руководили гнев, обида и разочарование. В другой ситуации старик и сам настоял бы на том, чтобы его боевого товарища отпустили на все четыре стороны, но в сложившихся обстоятельствах это было опасно для самого Микенора.

– Мы не гости здесь, Микен, – ответила на требование ведьма. – У нас было соглашение с Наэном и предыдущими королями Меллеории. Нам разрешали посещать святилище в обмен на простые магические услуги, а теперь королевства нет как такового, и все договорённости утратили силу. Мы такие же пленницы здесь, как и ты, и я не стану нарушать приказ нового короля, прости. За магическую стену никто не выйдет.

– И ваша Верховная Мать будет на это смотреть сквозь пальцы? – удивлённо вскинул брови Мик. – Вы же подданные Аукероста. Отправь ей какое-нибудь магическое послание, и пусть она потребует, чтобы...

– Мы не подданные Аукероста, – покачала головой Гленда. – Клан Дочерей Краонгры никогда не приносил клятвы верности королям. Мы сами по себе. Никому не подчиняемся, но и никто не встанет на нашу защиту. Даже те уголья, на которых стоит дом клана, Аукеросту не принадлежат.

– Клан Дочерей Краонгры? – переспросил Хьюдрик. – Не Меллео?

– Меллео была всего лишь одной из Верховных Матерей тысячу лет назад, а клан существует уже более двух тысячелетий, – пояснила ведьма. – Ты же знаешь, что к колдунам везде по-разному относятся. В Аукеросте их всегда уважали, поэтому клан жил тихо и незаметно, пока Меллео не повела лучших дочерей на верную смерть. Её поступок стал подвигом, а общине досталось название, за которым можно было скрывать истинную цель нашего существования. До Меллео нас из-за цвета глаз и любви к природе называли хедейрами. Теперь называют меллеорскими ведьмами. Клан всегда был независимым, и короли в наши дела не совались. Не сунется и нынешний, потому что не захочет портить отношения с Сearкатой.

– А как же войско? – недоверчиво уточнил Микенор. – Ваши воины носят цвета Аукероста.

– Мы купили год их службы для того, чтобы показать величие нашего клана. Чары верности тоже наложены на один год. Через три месяца этот срок истечёт, и воины вернуться в Аукерост. Одно из условий их службы нам – не нарушать мир с королевствами. Мы не можем использовать этих воинов против армий Сearкаты или Меллеории.

– То есть меллеорские ведьмы – это просто жалкая семейка трусливых рыжих ведьм, слухи о могуществе которых раздуты точно так же, как вы на пустом месте раздували величие Души золотого дракона, – сделал вывод Микен. – А раньше нельзя было сказать, что ваши песни о защите для Веи не более, чем красивая сказка?

– Люди верят тому, что видят и слышат, – нисколько не обиделась на его оскорбительный тон Гленда. – Они видят магическую стену и войско, готовое защищать тех, кто за этой стеной находится. Слышат о том, что сила Души золотого дракона с каждым днём возрастает. Этого достаточно, чтобы держать их на расстоянии, пока не проявится истинное предназначение дара Души.

– Вы и нас кормили ложью, как это ни прискорбно, – поморщился Хьюдрик. – Если бы Маркус знал, как обстоят дела на самом деле, он уже давно увёз бы Вею отсюда. Зачем она вам? Чего вы от неё ждёте?

– Чего ждём? – Гленда на несколько мгновений замолчала, а потом тяжело вздохнула и призналась: – Я не знаю, чего мы ждём. Микен, сядь, пожалуйста, и выслушай то, что я сейчас расскажу. Больше двух тысяч лет об этом знали только женщины нашего клана, и я не уверена, что Верховная Мать одобрит такое решение, но, кажется, пришло время впустить в эту историю мужчин, потому что мы и правда не всеильны. Вея не может использовать магию, потому что на неё надели ошейник, пропитанный кровью драконьих проводников, но кьорвиги боготворят её. Если она поведёт их против Сеаркаты, чтобы вернуть Маркуса, Верховная Мать поднимет всех ведьм против вольного народа. Начнётся война, которая никому не нужна. Сядь, воин. Я буду говорить долго.

– Снова легенды? – скривился Микенор, но всё-таки сел.

– Нет. В этот раз чистая правда.

* * *

Великим Богам, живущим в Небесных Храмах Даар, нет дела до простых смертных. Им нравится создавать новые миры и новых существ, а если результат не оправдывает ожидания, то всё, что было создано, уничтожается или остаётся забытым. Много тысячелетий назад совсем ещё юная богиня Иллиара Даар создала Сальсирию, в которуюпустила магию и множество самых разных существ, в том числе и своих любимцев – драконов. Драконы были магической ошибкой, кровожадными чудовищами, и наставники Иллиары требовали, чтобы она их уничтожила, но девочке нравилось то, что получилось, и она отстояла право на существование этого вида с одним условием – ни в каких других мирах этих тварей не будет.

Теперь Сальсирией называется всего лишь большая обитаемая земля к северо-востоку от островных королевств, но тогда островов ещё и в помине не было. Был один огромный материк, принадлежавший драконам, и океан вокруг него. Этот мир считался ушербным, и Иллиаре полагалось продолжить своё обучение на создании других миров, а этот оставить в качестве бесперспективной игрушки. Но она любила свою Сальсирию так, как маленькая девочка может любить самую красивую куклу. Она захотела впустить в этот мир людей, чтобы он стал более живым.

Это было ошибкой. Сначала люди боялись драконов, поклонялись им, приносили жертвы, как богам, но потом научились убивать крылатых чудовищ. Иллиара отвлеклась от своей игрушки совсем ненадолго, как ей казалось, но в Небесных Храмах время течёт по-другому, и в следующий раз, когда взор Богини вернулся к Сальсирии, драконов здесь уже почти всех истребили. Гибель последнего Иллиара видела собственными глазами. Она прокляла убийцу и весь его род, но не уничтожила ставший скучным без драконов мир, а столетиями наблюдала за тем, как мужчины рода Хараган страдают от её проклятия. Иллиара обрекла их на ужасную муку – Хараганы обязаны были иметь наследников, иначе погибла бы вся Сальсирия, но в каждом поколении на свет появлялись только дочери и всего один мальчик, а матери этих детей умирали в родах. Этим мужчинам нельзя было любить, потому что проклятие отнимало у них любимых, как когда-то их предок отнял жизнь у последнего дракона.

Три тысячелетия назад Нэйджел Хараган случайно нашёл способ победить это проклятие. Великая Богиня проявила милость к нему и его потомкам, но забрала у Сальсирии всю

магию, потому что видела, что люди не способны использовать её во благо. Драконов она тоже больше не создавала, а мир подарила своей дочери Краонгре как игрушку.

Время шло, Краонгра росла, а Сальсирия быстро разрушалась без магии, с помощью которой была создана. Океан поглощал сушу, и за пять столетий от большого материка практически ничего не осталось. Здесь было четыре больших королевства: Иллиафия, Сазалиния, Хейнорм и Тсалитан. Теперь есть только острова, самый большой из которых сохранил название мира, но утративших бывшее величие королевств там осталось всего три – Сазалиния прекратила своё существование.

Краонгра пришла в ужас, когда увидела, что подарок матери превращается в безжизненную лужу. Она вновь вдохнула в Сальсирию магию, чтобы сохранить хотя бы то, что осталось, и за это была наказана. Иллиара изгнала дочь из Небесных Храмов Даар, превратила её в золотого дракона и посулила прощение только в том случае, если люди в Сальсирии при наличии магии научатся жить в мире. Богиня знала, что это невозможно, потому что на собственном опыте убедилась в неспособности людей мирно жить в принципе – эти разумные существа даже в безмагических мирах благополучно разрушали всё, что было создано богами и природой.

Золотая драконья чешуя погубила Краонгру. Юная Богиня пыталась вразумить людей и помирить народы, которые не смогли объединиться даже во время потопа, но её не слушали. Дракон – чудовище. Животное. Золотая чешуя – драгоценность. Людей мало интересовала, чья душа заточена в смертную плоть под сияющей шкурой. Краонгру не слушали, но преследовали, чтобы убить. По иронии судьбы она нашла защиту у самого воинственного и кровожадного племени – у кьорвигов.

Магия, которую юная Богиня даровала Сальсирии, обошла вольный народ стороной. Дети кьорвигов рождались без способностей даже от союзов с очень сильными колдунами. Дикое племя не чтит чужие законы, подчинялось только собственным вождям и не желало жить иначе. Смысл их жизни заключался в выживании и в том, чтобы при этом сохранить свободу и независимость. Остров Сеар, где жили кьорвики, был плохо защищён. Чтобы обеспечить себе более безопасное убежище, Краонгра создала свирепых существ по своему подобию – драконов. Красные, чёрные, жемчужные речные и серые земляные – великое множество. Драконы защищали земли вольного народа от вторжения с моря, а самих кьорвигов не трогали, поэтому дикари начали почитать чудовищ как богов.

Но это для Краонгры было бегством, а не путём к прощению. Для того, чтобы вернуться в Небесные Храмы Даар, ей нужен был мир между всеми народами Сальсирии. Островные королевства не ссорились между собой, предпочитая взаимовыгодное сотрудничество, но кьорвики не менялись, и Богиня увидела своё спасение в том, чтобы изменить образ жизни этих людей. Она начала искать причины, по которым вольный народ отказывался от мира с другими островами и собственного развития. Причина нашлась только одна – отсутствие магии. В королевствах с помощью магических сил возводились целые города, а кьорвики не могли даже огонь магией разжечь, чтобы согреться. Краонгра решила, что ими движет зависть, и захотела это исправить.

Она пыталась одарить способностями мужчин и женщин вольного народа, но их души не принимали этот дар, потому что были прокляты оракулами Тсалитана. Проклятие оракула – это судьба, спорить с которой даже боги не в силах, поэтому Краонгра пошла другим путём – она одарила девушку-рабыню, которая не принадлежала к вольному народу. И не способностями к магии одарила, поскольку их нельзя было передать по наследству, а умением получать магическую силу извне – это особая сила, присущая только Великим Богам. Дар сохранялся даже в том случае, если его носительница родила дитя от кьорвики, но передавался он только девочкам.

Вольный народ мог возвыситься за счёт зеленоглазых ведьм, но мужчины не оценили эту возможность по достоинству. Они увидели способности одарённой рабыни и услышали, что её

дочери будут такими же могущественными, но пропустили мимо ушей предназначение этого дара. Первая Дочь Краонгры успела дать своим мучителям лишь одно дитя, а после этого её силу использовали в одном из набегов. Её убили сами же кьорвиги.

Краонгра поняла, что её наказанию не будет конца, поскольку люди неисправимы. Она забрала у кьорвигов наследницу своего дара и спрятала малышку на острове Дайтан, где в маленьком королевстве Аукерост к колдунам относились уважительно. После этого разочарованная Богиня больше людям на глаза не показывалась. Утратив её контроль, драконы перегрызлись за территорию и разлетелись по всей Сальсирии. Кьорвиги чтити их всех, а теперь уважительно относятся только к тем, кто не склонился перед людьми. Вольный народ продолжает жить так, как жил больше двух тысячелетий назад, потому что изменить свой образ жизни не сможет никогда.

* * *

– В этом заключается суть проклятия оракулов, хотя адресовано оно не кьорвигам, – пояснила Гленда. – В Тсалитане испокон времён процветали работоторговля и разврат, и это многим не нравилось. Было время, когда правители других королевств пытались положить конец рабству, за что и поплатились. Вольный народ – это наказание всем королям за вмешательство в чужие дела. Так оракулы хотели показать, что законная торговля рабами куда привлекательнее грабежей и насилия.

– То есть кьорвиги не всегда были дикарями? – уточнил Хьюдрик.

– До проклятия Сеар был процветающей провинцией Сазалинии, – последовал ответ. – Это было ещё до того, как Великая Богиня Иллиара Даар забрала у Сальсирии магию. Культура, искусство, письменность – всё было. А потом всё это в одночасье исчезло. Жители Сеара озверели, перессорились друг с другом, потом начали нападать на соседние провинции. Вы заметили, что их не становится меньше, хотя они гибнут тысячами? Это потому, что на смену каждому погибшему кьорвигу приходит новый воин из какого-нибудь королевства. Численность этого народа не менялась тысячелетиями. Люди сами идут к ним якобы за свободой, но это происходит не добровольно – их тянет проклятие. И тогда тоже так было. Войско Сазалинии уничтожало взбесившихся подданных, но потом солдаты этого же войска уходили к вольному народу и начинали нападать на своих прежних друзей. Когда начался потоп, Сазалиния уже пала. Кьорвиги пошли дальше, в другие королевства. Их не останавливают ни море, ни голод, ни бесконечная вражда, и это не закончится. Проклятие снять нельзя.

– И короли островных королевств об этом знают, – догадался Микенор.

– Конечно, знают, – подтвердила ведьма. – Королевствам нужно как-то жить, поэтому приходится обороняться. Народ пребывает в блаженном неведении, иначе все давно сбежали бы в Тсалитан, с которым кьорвиги не воюют. Мы тоже не знали. И не узнали бы, если бы Верховная Мать не начала снова выворачивать предназначение нашей силы наизнанку. В клане этой информацией по традиции располагали только она и хранительница истории. Лейза рассказала нам всё только потому, что не желает уничтожения клана, а сегодня ночью она попросила поставить в известность и вас, чтобы вы понимали всю серьёзность ситуации.

– Я пока ничего не понимаю, – признался Хьюдрик.

– Всё просто, – грустно улыбнулась Гленда. – Мы не знаем, зачем Краонгра оставила свою силу людям. Она могла забрать её, но не забрала. Мы понятия не имеем, для чего ей сейчас понадобилась Вея. Эта девушка не имеет ценности для людей, но она зачем-то нужна богине. По сути, мы не понимаем даже своего собственного предназначения, но оно точно заключается не в том, чтобы уничтожить кьорвигов. Идёмте, я вам кое-что покажу.

У Микенора появилось неприятное предчувствие, что откровения закончатся фразой «Смертные не должны вмешиваться в дела богов», но он всё же последовал за ведьмой, как и

Хьюдрик, который проявил неожиданный интерес к этой истории. Старик даже глаза под лоб не закатывал, как это обычно случалось, когда речь заходила о магии.

– Откуда у тебя уверенность, что всё это правда? – поинтересовался он у Гленды, стараясь не отставать от неё по пути, как выяснилось, к святилищу.

– В нашей библиотеке есть записи, – пояснила она. – Очень древние. Многие из них принадлежат летописцу Брису Фиду, который был другом Нэйджела Харагана. Пергаменты в очень плохом состоянии, их даже магией удаётся поддерживать с большим трудом, но Лейза читала копии. И дневники родоначальницы клана тоже есть. Они более поздние, всё-таки разница в пять столетий, но тоже очень ветхие. Эта часть библиотеки доступна только хранительницам истории, и другие дочери даже не знают о её существовании. Вее, кстати, тоже знать было не положено, пока она не примет традиции клана, но теперь Лейза ей расскажет.

– Если раньше наша маленькая, милая целительница не оторвёт ей голову за предательство, – заметил Хьюдрик.

Ведьма остановилась у входа в пещеру, повернулась к нему лицом и сердито сдвинула брови.

– Главная проблема всех мужчин заключается в том, что иногда вы не способны видеть дальше собственного носа. Вспомни, как вы сюда попали. Краонгра пришла на зов Вей, но говорила Богиня с Маркусом. Если бы ей не было до него дела, он остался бы в Акильфадии и умер там. И почему после этого золотой дракон должен бросить его на произвол судьбы? Хоть одну причину назови.

– Потому что мужчины не способны видеть дальше собственного носа, – проворчал Микенор. – Ваша слепая вера в богов просто убивает. Никто в островных королевствах уже давно не верит в Даар и их Небесные Храмы. Это всё легенды и сказки. Золотой дракон два с лишом тысячелетия сидел где-то в пещерах под островом без пищи и не издох, а вы опасаетесь, что его убьют люди. Разве боги не бессмертны?

– Воплощённые смертны, – пояснила Гленда. – И если Краонгра умрёт, вместе с ней из этого мира исчезнет и её магия. Вся. Потоп возобновится, острова уйдут под воду, и Сальсирия станет просто большим океаном. Для морских обитателей это ничем не грозит, а люди сгинут. Не хочешь верить, что это возможно – не верь. Тебя никто не заставляет.

С гордым видом Гленда скрылась в пещере, а Микен хмуро посмотрел на Хьюдрика и поинтересовался:

– Ты-то чего молчишь? Она нам голову дурит легендами, чтобы мы ничего не предпринимали и в дела ведьм не вмешивались, а ты уши развесил.

– Во-первых, если бы они хотели, чтобы мы не вмешивались, нас бы просто сегодня утром никто не стал будить, – парировал Хью. – А во-вторых, мой народ всё ещё верит в богов Даар. Без фанатизма и жертвоприношений, как раньше, но Храмы и жрецы у нас есть.

– Серьёзно? – скептически скривился Микенор. – Это же бред.

– Подумай сто раз, прежде чем называть чью-то веру бредом, а то когда-нибудь так на неприятности нарвёшься, – беззлобно посоветовал ему старик и вошёл в святилище вслед за ведьмой.

В это утро факелы на хрустальных стенах никто не зажёл, потому что Душа золотого дракона не пришла на очередные занятия. Пространство нескольких смежных пещер освещалось только радужным магическим сиянием, но этого было вполне достаточно, чтобы не наткнуться на какую-нибудь из стен. С тех пор, как прекратилась добыча хрусталя, мужчинам запретили сюда входить, а для Маркуса было сделано исключение, поскольку с ним говорила сама Богиня Краонгра. Неприятное место, пусть и красивое. Застывшие в больших кристаллах тела древних ведьм придавали и без того тяжёлой атмосфере замкнутого пространства не столько благоговейное величие, сколько мрачность.

– Слышите воду? – спросила Гленда у мужчин, которые озирались по сторонам, стараясь не смотреть на покойниц.

Мерный стук капель эхом отражался от стен и свода, создавая ощущение близкого источника, но спёртый сухой воздух говорил о том, что воды в этой пещере нет и в помине.

– Это скрывающие чары, – пояснила ведьма. – Они закрывают собой другие звуки. Вот эти.

Она произнесла слова какого-то заклятия, и по пещерам разнёсся громкий, душераздирающий, многоголосый стон. У Микенора волосы на голове встали дыбом, а Хьюдрик побледнел и вопросительно уставился на Гленду.

– Они не мертвы?

– Нет, – покачала она головой и вернула в пещеры тишину. – Их агония длится тысячу лет в наказание за то, что божественная сила Краонгры была использована против кьорвиггов. Магию природы нельзя использовать против людей, и каждой из этих женщин было суждено умереть, но в последние, самые страшные и мучительные мгновения их тела поглощал камень, который становился хрусталём. Это не их магия уходит в стены пещеры – это сила Краонгры не позволяет им умереть. Знаю, что вы слышали другую версию появления святилища, поэтому...

Ведьма подошла к одному из кристаллов, сунула руку в узкую щель под ним и вытащила оттуда каменную пластину, испещрённую символами общего языка.

«Мы виновны. Нам нет прощения», – гласила надпись.

– Это нацарапала Меллео, вы сейчас как раз перед ней стоите. Камень был вместе с ней в этом кристалле, но потом как-то выпал оттуда, – спокойно сообщила Гленда, после чего Микенор решил, что в святилище ему больше делать нечего.

Хьюдрику тоже было не по себе, но его очень сильно интересовало, с чего вдруг ведьмы решили поделиться своими тайнами с мужчинами, которые в принципе никак не могли повлиять на происходящее.

– Какова цена вашей откровенности? – прямо спросил он.

– Спокойствие и рассудительность, – сразу же ответила Гленда. – Я показала вам истинное назначение святилища для того, чтобы вы поняли, чем грозит нашему клану война с кьорвигами. Наша магия не для этого предназначена. А война вполне вероятна, потому что так складываются обстоятельства. Вчера Вея пыталась угрожать посланникам Эгдана тем, что отдаст остров Сеар кьорвигам, если он не будет очищен от тех, кто охотится на золотого дракона. Во-первых, король не станет это делать, потому что он безмерно алчен. Во-вторых, он отнял у Веи любимого мужчину. И в-третьих, он заплатил кьорвигам за безопасность своих владений Душой богини. У Веи целых три причины гневаться, понимаешь? Вожди вольного народа не смогут сдержать данное ими Эгдану обещание, если Вея прикажет им уничтожить Сеаркату и Меллеорию. Проклятие кьорвиггов выше любых обещаний. Они придут сюда убивать, а не просить или договариваться, а Верховная Мать поведёт против них весь наш клан, включая детей. Мы вновь используем божественную силу против вольного народа, а этого делать нельзя. Подвиг Меллео и наказание за него – это урок нам. Если даже Дочери Богини не способны усвоить этот урок...

– Краонгра будет в ярости, – понял Хьюдрик.

– Вероятнее всего, она уничтожит Сальсирию и погибнет здесь сама, – вздохнула ведьма. – Всё, что сейчас происходит – это последнее испытание для нашего мира. Последний шанс сохранить его. Плохой он или хороший... Не знаю, как ты, а я хочу жить, Хьюдрик Масс. В Аукеросте у меня две дочки, одной из которых двенадцать лет, а второй ещё и восемь не минуло. У Лейзы тоже есть дочь. У всех нас. Можешь представить в этих кристаллах маленьких девочек, агония которых длится столетиями? Я даже думать об этом не хочу, но от меня, как и от вас, ничего не зависит. Судьба Сальсирии теперь в руках акильфийской целительницы

Веи, которая хочет вернуть Колехорта, попасть в Акильфадию, и очень сильно зла на старого, жадного короля.

– И мы, как и вы, должны сидеть, сложа руки, в ожидании своей участи, – подытожил Хью.

– Нет, – возразила Гленда. – Разум мужчин устроен не так, как у женщин. Я прошу вас обоих не горячиться, а обдумать всё, что вы сейчас услышали. Ведьмы будут подчиняться воле короля Эгдана, потому что так мы скрываем тот факт, что Душа золотого дракона покинула остров. Это нужно для безопасности Веи и Краонгры, а не для нас. Проблему я озвучила – вероятно, грядёт война. Начнёт эту войну Вея, если Лейзе не удастся вразумить девочку. В этом отношении мы все бессильны.

– Но?

– Но вы мужчины и опытные воины. Попробуйте придумать, как можно выполнить желания Веи Ког без её участия. Не действовать, а думать – об этом мы вас просим. Если будет хороший, надёжный план, все пятнадцать ведьм, которые здесь есть, пойдут за вами.

– За мужчинами? – недоверчиво уточнил старик.

– Когда речь идёт о спасении своих детей и целого мира, то как-то не до традиций клана, знаешь ли, – поморщилась Гленда.

– Угу, – сдвинул брови Хьюдрик. – Убрать с острова всех гостей, вызволить Маркуса из лап могущественного колдуна и наказать Эгдана за жадность. Задача понятна. И в распоряжении у нас только мы двое и пятнадцать тёток, которые не могут использовать магию против людей. Зачарованные воины не в счёт, потому что их нельзя вести на войну. Я ничего не упустил?

– У нас нет времени на долгие раздумья, – напомнила ведьма. – Лейза будет держать Вею под сонными чарами только до завтрашнего утра.

– Точно. У нас ещё и нет времени на то, чтобы придумать приличный план. Значит, начнём думать прямо за завтраком. Завтрак-то ведь никто не отменял? А заодно послушаем, что вы знаете про колдуна, который заполучил Маркуса. Я знаю немного о магии предков. Отвратительная вещь, – Хьюдрик нахмурился ещё сильнее и заявил: – Я передумал. За завтраком я об этом слушать точно не хочу.

Глава 6. Во имя любви

Гаха-Диун осторожничал. Две с половиной тысячи лет изгнания – это слишком много даже для богов. Да, в Небесных Храмах Даар время течёт совсем по-другому, но в рукотворных мирах один год равен одному году, а тысячелетие тянется так долго, что можно сойти с ума. Он опасался, что Краонгра уже никогда не проснётся. Сальсирия всё ещё продолжала пользоваться её магией, поэтому можно было с полной уверенностью говорить о том, что Богиня жива, но она уже очень давно никак себя не проявляла, поэтому колдун волновался.

Не колдун – Бог. Любящий муж. Гнев Иллиары Даар был сиюминутным, и она уже не раз пожалела о том, что отправила свою дочь в изгнание, но гордость не позволяла Великой Богине отменить скоропалительное решение. Она предпочла сделать вид, что забыла о Краонгре. Не обращала внимания на просьбы, не позволяла вмешаться даже незаметно, но теперь, когда золотой дракон вновь явил себя Сальсирии, сердце матери не выдержало. «Иди, Велфодеус. Иди к ней, но так, чтобы никто в Небесных Храмах не знал, что я разрешила сделать это. Она не смогла заплатить назначенную мной цену прощения, поэтому назад вам обоим пути не будет. Вы не вернётесь в Небесные Храмы. Будьте людьми, драконами или какими-нибудь другими существами, но помните, что теперь вы оба изгнанники. Она не Богиня, а ты – не Бог. В Храмах для вас нет места. Отныне ваш дом – Сальсирия. Я сохраню этот ущербный мир для вас. И для себя – как память о том, что нельзя вершить чужие судьбы в гневе», – так сказала Иллиара, прежде чем впустила истосковавшегося по жене Бога в обитель человеческих пороков.

Велфодеус не любил людей. Ни в одном из созданных им миров не было разумных двуногих существ, способных только на разрушение. Свадебным подарком для возлюбленной Краонгры стал Тхатарганар – мир цветущих садов и пёстрых бабочек. Всё, что успела сделать прекрасная юная Богиня – это впустить в Тхатарганар милых пушистых зверьков, которым она даже название не придумала, поскольку вспомнила о разрушающемся подарке матери.

«Сальсирия... Будь трижды проклята эта грязная дыра!» – думал Велфодеус, выбирая для себя воплощение. Он не мог явиться в островные королевства в своём божественном облике. Не мог никому рассказать о цели этого путешествия. Не хотел думать о том, что ему придётся остаться в Сальсирии навсегда, но никто ведь не заставлял его менять жизнь в Небесных Храмах на жалкое существование среди людей. У него был выбор – оставаться Богом или быть с любимой. Но кому нужны роскошные залы волшебных дворцов, если в них и в душе совсем пусто?

За долгие годы тоски и одиночества Велфодеус очень хорошо изучил Сальсирию и её обитателей. Да, без магии этот мир был обречён на гибель, но было бы вполне достаточно поддерживать его силами стихий. Краонгра допустила ошибку, дав магию ещё и людям. И ладно бы только природную – она поделилась всем, что имела сама. Взять, например, тёмную магию предков – зачем смертным эта разрушительная сила? Во-первых, она не предназначена для благих дел. В Небесных Храмах её даже при создании новых миров запрещено использовать. Во-вторых, для того, чтобы овладеть магией предков, нужно получить связь с предками – не умереть, но и не жить. В мире смертных существ такое состояние означало бессмертие, но, к счастью, постичь эту сложную магическую науку удалось немногим, иначе бессмертные тёмные колдуны заполнили бы весь мир. Велфодеус не одобрял столь щедрое отношение своей юной супруги к людям, но не мог не признать, что оно ему пригодилось – он мог открыто пользоваться могущественной магией предков, и это давало определённые преимущества.

Казалось бы, чего проще – прийти к любимой, обнять её и жить счастливо. Но нет, всё оказалось гораздо сложнее. Человеческие судьбы, магия и структура мира переплелись настолько тесно, что нарушение этой связи неизбежно привело бы к катастрофе. Из Небесных Храмов это выглядело иначе, но стоило Велфодеусу оказаться внутри Сальсирии, и от тща-

тельно продуманного плана по воссоединению с Краонгрой сразу же пришлось отказаться. Он хотел забрать магию у людей и оставить только ту, что принадлежала природе, но выяснилось, что это уничтожит мир. Подумывал избавиться от всего человечества разом – итог получался такой же. А если оставить всё так, как есть...

Беда в том, что явление Краонгры людям повлекло за собой цепь событий, последовательность которых была предсказуема и неизбежно вела к фатальному исходу. Алчность и бескорыстие, любовь и ненависть, дружба и вражда – теперь всё зависело даже не столько от магических способностей, доставшихся смертным, сколько от их отношения друг к другу. У людей всегда так, поэтому Велфодаус их и не любил. Он сделал ставку на драконов – крылатых хищников, живущих только инстинктами. Этих существ Иллиара создала магическими, но они не могли использовать магию друг против друга. Вгрызаться в глотки, откусывать головы, рвать врагов когтями на куски – это да, на это драконы были горазды, но в любом противостоянии они применяли только физическую силу, а магия просто объединяла, хранила и усиливала их стаи. Забрать магию у людей и отдать её драконам, а человечество уничтожить – так можно было сохранить Сальсирию и избавиться от напасти, разрушающей её изнутри. Это Велфодаус и намеревался сделать.

К счастью, драконов на островах водилось не так уж и много. Красные, изумрудные, серые горные и снежные – эти виды были малочисленными, и каждый из них представляла всего одна стая. Со всеми бог-колдун поступил одинаково – убил по одному из чудовищ, забрал частички их стайной магии себе и таким образом связал себя со всеми перечисленными видами. С жемчужными речными драконами ему пришлось повозиться, поскольку стая дробилась на семьи, и нужно было убить вожака, чтобы получить власть над всеми хищниками разом. Когда с этой сложной задачей было покончено, дело наконец-то дошло до чёрных драконов.

С двумя стаями в Северных горах у Велфодауса никаких проблем не возникло, и до заветной цели остался всего один шаг – стая Лунных гор. После этого можно было создать чары поглощения и обрушить магию предков на головы людей, чтобы отнять у человечества то, что ему не должно было принадлежать. Да, все люди умрут. Ну и что? Зато Сальсирия будет спасена.

Проблема заключалась в том, что где-то глубоко в пещерах под Лунными горами две с половиной тысячи лет спала Краонгра. Её божественная сила создавала ей защиту, но магия впитывалась в камень и обретала прочные связи с магией стаи, которая жила в этих горах. Для того, чтобы подчинить стаю, связи нужно было разрушить, но так, чтобы любимая супруга этого не заметила – она слишком сильно любила людей и не позволила бы Велфодаусу осуществить задуманное.

В Небесных Храмах у несчастного Бога было достаточно времени, чтобы собственными глазами видеть всё то, что ныне живущие народы Сальсирии познавали только из легенд. Он знал, что Краонгра отдала часть себя рыжим ведьмам, и намеревался вернуть ей этот щедрый, но бессмысленный дар. Знал о Страннике Акиле и убившей последнее вместилище его души злобной колдунье Фадии. Всё знал, в том числе и о том, кто из людей на данный момент был связан со стаей Лунных гор последствиями криворукого человеческого колдовства. Маркус Колехорт, его кузен Олаф, акильфийская целительница Вея Ког и её единоутробный брат Джевед – всего четверо. Эти связи тоже нужно было разрушить, но Краонгра привязала к себе девочку очередным даром своей божественной души, что было серьёзной проблемой. С акильфийской целительницей Велфодаус намеревался разобраться в последнюю очередь и попытался добраться до Олафа, но мальчишку приняла стая, и он оказался слишком близко к Богине. Джевед стал самой лёгкой добычей, а его положение при дворе короля Сеаркаты и глубокая ненависть к Колехорту сослужили богу-колдуну добрую службу.

Они встретились в Меллеории. Джевед был зол, поскольку не мог попасть за возведённую рыжими ведьмами магическую стену. Велфодеус мог проникнуть туда без проблем, ведь магия предков сильнее того, чем владели меллеорские колдуньи. Он и проник. Потом вернулся и поведал Джеведу, что Маркус Колехорт и Вея Ког безмерно счастливы рядом друг с другом. Можно было просто похитить и Колехорта, и Бричрана, но Велфодеус осторожничал. Он хотел обойтись без лишнего шума, поэтому и предложил Джеведу взаимовыгодное сотрудничество.

Извлечение из человеческого тела магии драконьей стаи – это больно. И долго. Несколько месяцев Джевед терпел ежедневные истязания, потому что колдун Гаха-Диун, как назвал себя Велфодеус, пообещал ему Колехорта. Всё, о чём мечтал глупый мальчик – это месть. Увы, то, что колдуну удалось извлечь из этого мальчика, оказалось совершенно бесполезным, поскольку было получено магическим путём. Этот факт списывал со счетов и девчонку – ей магия стаи досталась от матери, которая и сотворила это колдовство. Надежда оставалась только на Колехорта и его родственные узы с Олафом – через одного Велфодеус мог не только забрать желаемое и у другого, но и добраться до прочных связей в горах. Маркус Колехорт оказался ключом к благополучному завершению плана, на реализацию которого было потрачено уже девять месяцев.

Играть с королями в их политические игры было забавно, а тешить тёмные стороны души Джеведа – ещё веселее, но ублажать Велфодеус не собирался никого из смертных. Колехорт умрёт, потому что его хрупкая телесная оболочка не выдержит мучений, когда дело дойдёт до разрушения того, что создано не людьми. Наследственная связь со стаей появилась благодаря колдовству Акиля – извлечение этого ещё терпимо, но потом боль станет поистине невыносимой. Придётся наделить этого смертного человечка магией предков, чтобы поддерживать в нём хотя бы подобие жизни, пока не будет сделано всё, что нужно. Это был лучший из вариантов – не прямое взаимодействие с магией стаи, а через внешнюю связь. Сложно и долго, но так Краонгра точно ни о чём не догадается и не сможет помешать. И озлобленный мальчик Джевед, конечно же, получить желаемое не сможет, поэтому Велфодеус даже обрадовался, когда наивный дурачок потребовал, чтобы колдун переместил его в Меллеорию.

– Быть наместником короля почётно, – с наигранным уважением склонил голову Гаха-Диун. – Перенести тебя прямо в замок в Набгарате?

– Нет, – раздражённо поджал губы Джевед. – За магическую стену, к святилищу. Там остались друзья Колехорта, насколько я помню. Они заменят рыжую ведьму.

– Заменят? – вопросительно нахмурился колдун.

– Я хотел, чтобы Колехорт видел, как она умрёт, но отец продал девчонку кьорвигам. Хочу забрать в Набгарат других, кто дорог этому ублюдку. Посидят на цепях в подземелье, как собаки, пока ты не закончишь свои дела. Потом доставишь Колехорта ко мне, и я сначала до смерти замучаю их у него на глазах, а потом заставлю и его умолять меня о быстрой смерти.

– Она хоть стояла стольких жертв?

В голосе Велфодеуса прозвучало снисходительное сочувствие, но Джевед был слишком опьянён жаждой мести, чтобы расслышать тон сказанного, а не смысл.

– Она стояла целого мира, – горько отозвался молодой человек. – Я знаю, что её уже не вернуть, но те, кто причинил ей зло, должны за это поплатиться.

Богу-колдуну было безразлично, кто и за что поплатится, лишь бы Джевед не маячил у него перед носом, требуя побыстрее отдать Колехорта.

– К святилищу, а потом в замок? – уточнил он маршрут перемещений и начал создавать портал.

– Нет, только к святилищу. Побудешь там со мной для острастки, а потом вернёшься. До замка я сам доберусь и заодно посмотрю на болото, которым мне предстоит править, пока ты развлекаешься в своей лаборатории. У магической стены полно меллеорских воинов, они меня сопровождают.

– Хорошо, – кивнул Велфодеус и открыл портал.

* * *

– Нет, так ничего не получится, – Хьюдрик смахнул с карты метки, которыми Микенор обозначил предполагаемый путь через Северные горы. – Здесь драконы. Вот тут одна стая, а тут вторая. Их никак не обойти.

– Мы можем наложить скрывающие чары, – предложила Гленда. – Ну а дальше-то что?

– Узнаем, где держат Маркуса, выкрадем его и сообщим Вее, что он спасён, – озвучил своё предложение Микен.

– Это план самоубийства, а не предотвращения войны, – резюмировал Хьюдрик. – Этот колдун наверняка один из искателей, только он не за золотой шкурой дракона охотится, а за магией. Маркус ему понадобился для того, чтобы убрать стаю от Лунных гор и получить доступ к убежищу Краонгры. Предположение так себе, но других у меня нет. В любом случае он не станет держать Маркуса на виду или в пределах досягаемости. Пока мы будем искать...

– Вы ничего не будете искать, – надменно прозвучало с порога, и мастерская заполнилась едким дымом.

Видимо, дым обладал какими-то магическими свойствами, поскольку Гленда мгновенно обмякла и повалилась с табурета на пол, а Хьюдрик и Микенор только закашлялись.

– Не надо, Гаха, они не посмеют причинить мне вред, – слышался в дымном мраке тот же голос.

Дым рассеялся. Мужчины долго тёрли глаза, пытаясь избавиться от неприятной рези, а когда всё же обрели способность видеть хоть что-нибудь, дружно уставились на молодого человека, которого давно уже считали мёртвым.

– Джевед? – недоверчиво уточнил Хьюдрик и ещё раз протёр глаза, чтобы убедиться, что видит действительно сына Аллелии, а не призрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.